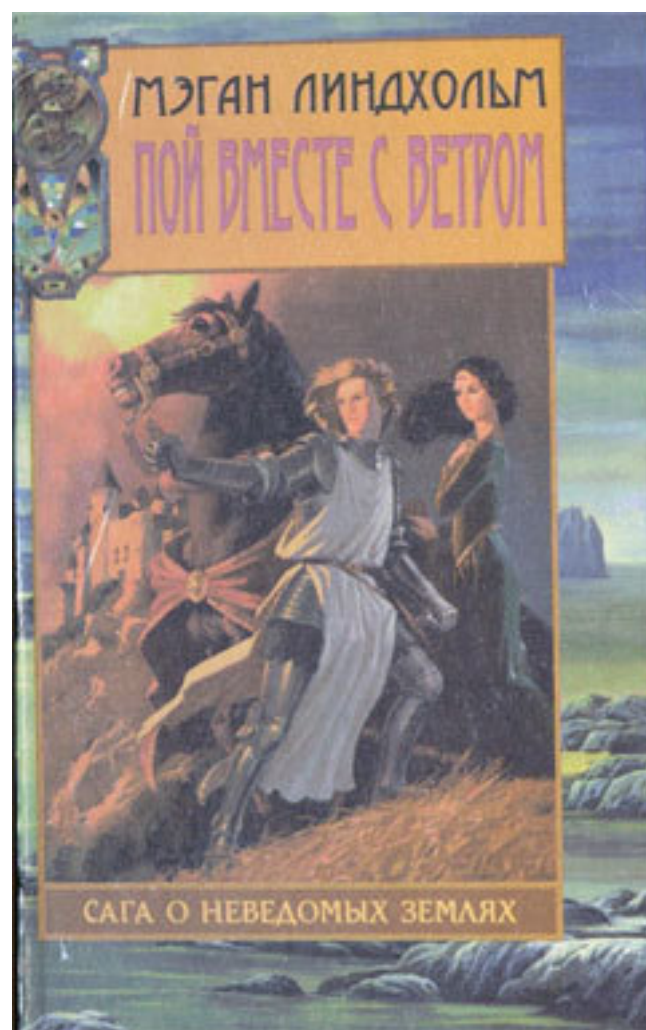

Заклинательницы ветров

Мэган Линдхольм

Заклинательницы ветров

1984

Линдхольм М.

Заклинательницы ветров / М. Линдхольм —
1984 — (Заклинательницы ветров)

Даже самого искушенного читателя с первых страниц романа приятно поразит неистощимая фантазия автора, блестящий стиль, изысканные образы героев.

Содержание

1	5
2	17
3	24
4	32
5	44
6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мэган Линдхольм

Заклинательницы ветров

1

– Простите?..

Многопалые руки керуги напоминали Ки бахромку шали. Существо с самым серьезным видом смотрело на нее серовато-белыми точками глаз. Оло, симбиот керуги, по обыкновению лежавший у того на плечах, приподнял голову на гибкой шее. Подвижные губы шевельнулись, обезьяний ротик выговорил:

– Чем можем служить?..

– Я... – Ки слегка замялась, соображая, кому из двоих смотреть в глаза во время разговора. – Я ищу гостиницу керуги, выстроенную возле ткацкого улья...

Коренастый керуги стоял столбом. Маленький оло сосредоточенно морщил лобик.

– Твоя гостиница, – наконец перевел он мысль керуги, – может быть на любой улице Дайяла. Мы всегда строим их рядом с ульями. Это весьма удобно.

– Да уж я вижу, – сказала Ки. – Понимаешь ли, я ищу человека... человеческого мужчину со шрамом на лице, темноволосого и темноглазого. Он назначил мне встречу здесь, в Дайяле, в керугийской гостинице, стоящей у ткацкого улья.

Вновь последовало долгое молчание. Обезьянья рожица оло морщилась и гримасничала, по пушистым кольцам змееподобного тела пробегало напряжение: передав керуги слова Ки, он ждал ответа.

– Увы, – раздалось затем, – боюсь, мы ничем не сумеем тебе помочь. В Дайяле множество ульев и почти столько же гостиниц. Твой человеческий мужчина должен был снабдить тебя более подробными указаниями.

– Вот уж что верно, то верно, – отозвалась Ки. – Спасибо, что потратили время и говорили со мной.

Ки вежливо дождалась, пока ее слова будут переданы керуги и оло в свою очередь приветливо с нею попрощается. Потом керуги зашагал прочь вместе со своим симбиотом, а Ки с тоской оглядела улицу.

Она успела потерять счет гостиницам, в которых побывала; делать нечего – на некотором расстоянии от нее виднелось еще высокое строение под остроконечной крышей и при нем керугийская гостиница. Следовало заглянуть и туда. Усталым шагом Ки двинулась вперед, стараясь поменьше вдыхать тонкую пыль, которая висела над городскими улицами подобно туману. Летняя жара властно накрывала всю Дайяльскую долину; казалось, здесь никогда и не бывает зимы. Однако Ки хорошо знала: не успеет смениться луна, как пыльные улицы затопит непролазная грязь, а удушающую жару сдует холодный, режущий ветер.

В этот предвечерний час городские улицы были запружены пестрой толпой. Преобладали в ней, понятно, керуги, но там и сям виднелись спешащие по своим делам т'черья, а то и размашисто шагавшие люди. Вот мимо Ки, словно морской корабль среди лодок, прошагал здоровенный брориан в обмундировании стражника. Ки непроизвольно напряглась, ощутив на себе его тень. Что ж, по городу, где нанимают в стражники брорианов, действительно можно гулять всю ночь напролет, ничего не опасаясь. Насколько было известно Ки, ни одно живое существо не стало бы по своей воле связываться с брорианом. Стражник не мог ничего иметь против нее, но, тем не менее, Ки довольно-таки торопливо взбежала на дощатую веранду перед гостиницей. Пригнув голову, она отвела в сторону планки складной двери и заглянула внутрь. Прах побереи этого Вандиена! И здесь его нет!..

Запахи, доносившиеся из общей комнаты, заставили ее безгласно сморщить нос. Единственными человеческими существами там, внутри, были в стельку пьяный медник и его собутыльники. Керуги сидели кучками у низких, наподобие корыт, подносов с едой, и оло, оббивавшие их плечи, щебетали, переговариваясь на своем языке. Ки испытала некоторую безгласность, когда один из керуги подошел к свободному подносу и, хрюкнув, выпустил из щелеобразного отверстия в теле питательные щупальца. Сейчас же подоспел слуга-т'черья и вывалил в корытце полный кувшин чего-то вроде густой коричневой каши. Запах, распространившийся от этой каши, вовсе не предназначался для человеческого носа.

Ки вздохнула и все-таки вошла внутрь, и дверные планки с негромким треском сомкнулись у нее за спиной. Надо же все-таки перекусить и выпить чего-нибудь освежающего, прежде чем идти обследовать оставшуюся часть дайяльских гостиниц. Да, если бы заранее знать, до какой степени разросся Дайял с тех пор, как она последний раз доставляла сюда груз, она бы точно потребовала с Вандиена более подробных указаний. Может, в прежние времена слова «та керугийская гостиница в Дайяле» и прозвучали бы вполне однозначно, но только не теперь. С другой стороны, откуда было знать, что бесчисленные орды тонкопалого народа ткачей вздувают всем скопом переселиться в Дайял?..

– А я говорю, стервятницы они! Воронье!.. Старые ведьмы, чтоб им ни дна ни покрышки!.. – взревел вдруг медник. Ки вскинула глаза. Вид мужика особого доверия не внушал. Он был загорелый, светлоглазый и насквозь пропыленный, словно только-только доставил в город целый воз кастрюль и сковородок. Он навалился на стол жирным колышущимся брюхом, яростно размахивая руками, и эти грязные руки, судя по всему, были сильными и умелыми. Когда-то он, верно, был отменно хорош собой, но возраст и неумеренная склонность к выпивке сделали свое дело: физиономия обрюзгла и обмякла, глаза помутнели.

Тусклый взор медника внезапно обратился на Ки. Возчица немедленно отвела глаза. Ей стало стыдно, она почувствовала себя испорченным ребенком, которого застукали взрослые. Она торопливо пересекла комнату, метя пыльными юбками по грязным голенищам дорожных сапог. И нервно огляделась, высматривая себе стол как можно дальше и от пьяниц, и от керуги с их щебечущими симбиотами. Подходящий столик так и не попался ей на глаза. Зато она разглядела неподалеку низкую дверь и, нагнувшись, заглянула в скудно освещенную комнату.

Деревянный пол был устлан камышом и приятно пахнувшими травами. Там и сям виднелись невысокие столы-подносы, засыпанные подогретым песком. За столами, сидя на корточках, обедали т'черья. Глаза у них помещались на стебельках; несколько этих глаз обратилось в ее сторону, потом вежливо отвернулись. Пальцы-клешны на многосуставчатых конечностях вновь потянулись к еде, поднося кусочки ко ртам, где двигались челюсти, напоминавшие жвалы-мандибулы насекомых.

Ки нырнула в низенькую дверь и вновь выпрямилась, наслаждаясь приглушенным светом, чистотой и относительным спокойствием, царившим в этой комнате. Сзади, из общего зальчика, вновь донеслось «Проклятые кровопийцы!» медника, сопровождаемое неразборчивой бранью по адресу Заклинательниц Ветров, чем-то не угодивших ему. Здесь, по счастью, слышно было только постукивание хитиновых пальцев о круглые донца сосудов с едой, уставленных в рыхлом песке.

Единственный человек, присутствовавший в помещении, сидел, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги под столом, причем одна нога в дорожном сапоге уютно покоилась на другой. Закинув голову и глядя вверх, он обшаривал одной рукой полочку на стене. Вот, дотянувшись кончиками пальцев, он подошел к краю бутылку и ловко поймал ее, когда она уже собиралась упасть. На голову ему при этом просыпался тонкий ручеек песка. Умелым движением кисти мужчина ввинтил круглое донышко в песок на подносе. Там уже стояли наготове два полусферических стакана: один чистый, другой – со следами вина.

Парень засучил до локтей рукава сливочного цвета рубашки, обнажив изящные мускулистые руки, и занялся пробкой. Прядь выющихся темных волос упала ему на лоб, частично скрыв шрам, расплосовавший лицо.

Ки прошла через всю комнату, ступая так осторожно, что сидевший заметил ее, только когда она оказалась прямо перед ним. Он поднял голову, и его темные глаза встретились с ее зелеными.

– Вообще-то я могла бы и догадаться, – проворчала она, легонько пиная его сапог. – Надо было с самого начала высматривать керугийскую гостиницу с т'черийской кухней!..

И Ки опустилась на пол, устраиваясь рядом с ним и закидывая, удобства ради, ноги в сапогах поверх его ног.

– Я-то думал, это настолько само собой разумеется, что и упоминать незачем, – охотно согласился Вандиен. – Ну и как прошла поездка?

Ки откинулась спиной к стене и расслабилась, наслаждаясь покоем.

– Отвратительные дороги, ужасающая жара, негостеприимные города... и неблагодарные клиенты на этом конце. Заявили мне, что-де верхние мешки с бобами испортились из-за непогоды, хотя они с самого начала вполне соответственно пахли. Пришлось чуточку поспорить и самую малость уступить при окончательном расчете... а так расстались друзьями. По крайней мере, оло того керуги при расставании вел себя более-менее дружелюбно. Что же до керуги... кто их знает, что они на самом деле думают. Мы общаемся с ними через оло, и опять же никто не знает, в какую сторону они подправляют их ответы...

– М-м-м-да, – пробурчал Вандиен. Он вновь занялся бутылочкой и отскреб зеленоватый воск, обнажая волокнистую затычку. Сунув руку под стол, он извлек из поясных ножен небольшой нож и принялся ее выковыривать. – Надеюсь, ты не *слишком* устала, – произнес он нарочито небрежно. Он забавлялся – Ки заметила, как дрогнули уголки губ. Он попытался спрятать это движение, разглаживая усы, но опоздал.

– Хорошенько отоспаться – и порядок, – сказала она.

– Значит, думаешь, сумеем добраться в Обманную Гавань через десяток ночей?

– В Обманную Гавань? А это где?

– День верхом от Горькух. В фургоне, может, два: дорога, говорят, узкая и ухабистая.

– А за каким шутком я попрусь в эту самую Гавань?

Вандиен посмотрел на т'черийскую служанку, пробиравшуюся к их столику с двумя дымящимися мисками. Донца мисок примяли в песок, и Вандиен ответил, разливая по бокалам темно-фиолетовую жидкость из бутылки:

– Я там застолбил для нас кое-какую работенку.

Двойное потрясение на какое-то время попросту лишило Ки дара речи. Во-первых, с каких это пор Вандиен стал подыскивать себе заработок? И во-вторых, как посмел этот наглец распоряжаться лошадьми и фургоном без ее на то разрешения?.. Между тем наглец и мерзавец кончил разливать вино и в открытую расхохотался при виде ее отвисшей челюсти и округлившихся глаз. Ки зловеще прищурилась и набрала полную грудь воздуха для уничтожающей отповеди, но Вандиен уже вскинул обе руки, моля о пощаде:

– Прежде чем ты во всех деталях выскажешь, что ты в данное время думаешь о своем вернейшем товарище, позволь ознакомить тебя с подробностями сделки. Мне почему-то кажется, что она вполне может заинтересовать даже некоторых известных своей твердолобостью возчиков-ромни...

Ки взяла свой бокал и снова прислонилась к стене, с большим сомнением поглядывая на своего спутника. Потом не спеша попробовала вино. Вандиен заговорщицки ухмыльнулся и придвинулся поближе, касаясь ее плечом и бедром. Ну до чего самоуверенный тип!

– Три дня назад, – начал он, – я сидел здесь, за этим самым столиком, и тут вдруг входит женщина, удивительней которой я в жизни своей не видал...

Стоило завязаться рассказу, как из поясного кошелька словно по волшебству появился белевкий шнурок. Ловкие пальцы сейчас же свили его кольцом: по обычаю своего народа Вандиен сопровождал историю «говорящими» символами и фигурами. Ки только и успевала перебегать взглядом от его рук к лицу и обратно.

– Она стояла в дверях и обводила комнату медленным взглядом. На ней были штаны и коричневая рубашка из грубой ткани, какую земледельцы надевают в поле. Судя по лицу и фигуре, она могла бы быть бабушкой доброй дюжины внуков. Глаза наши встретились... Она улыбнулась. Она держала в руке бутылку, а в ее волосы – черные-пречерные волосы – были вплетены желтые цветы. В общем, очень странное зрелище, но никто почему-то не обратил на нее внимания, кроме меня. Женщина подошла прямо к моему столику и устроила свою бутылку в песок. И уселась напротив меня, словно мы с ней уже сто лет как знаем друг друга. И, удивительное дело, именно так ведь мне и показалось...

Вандиен сделал паузу, чтобы отпить из бокала, и дерзнул посмотреть на Ки. Он знал, как нравилось ей слушать всяческие истории, особенно когда он их рассказывал. Однако на сей раз он еще не завоевал ее. Пока. Он кашлянул, прочищая горло, и продолжал:

– Ну так вот. Сидит она напротив меня, молча улыбается и знай себе откупоривает бутылочку. Потом вытаскивает из рукава стакан, за ним другой и ставит их между нами в песок, как будто так тому и следует быть. Когда же она налила в стаканы вино... вообрази, Ки, это было элисское! Я-то в тот самый день обошел целых четыре таверны, но элисского так и не нашел. Никто во всем Дайяле о нем слухом не слыхивал, не говоря уж про то, чтобы держать его в погребке. И вдруг приходит эта особа и ни с того ни с сего наливает мне элисского! А сама по-прежнему ни слова. Я уж чуть щипать сам себя не начал, – а вдруг, думаю, мне все это просто приснилось? Ну ладно. Наконец она поднимает стакан и провозглашает звонким и сладостным голосом, что твоя певчая птичка: «Пью за крепость твоей руки и за этот шрам между глаз!» – и залпом осушает стакан...

– И пришлось тебе волей-неволей ответить ей тем же, – пробормотала Ки. Повествование захватило ее полностью; она наслаждалась, слушая, не меньше, чем Вандиен – рассказывая.

Он отпил еще глоток темного вина. И провел кончиком пальца по шраму, который начался возле внутреннего уголка глаза, рассекал переносицу и тянулся через всю щеку, достигая угла челюсти. Кивнув головой, Вандиен продолжал:

– Когда мы выпили, она сказала мне, что ее зовут Зролан. Я тоже представился, и она перешла прямо к делу. Она заявила, что ищет крепкого человека с надежной упряжкой для одного не вполне обычного дела. При этом наотрез отказалась пояснить, кто вообще ее направил ко мне. Ну, я ответил, что, мол, знаю одну очень, очень надежную упряжку, да только она не моя, чтобы ею распоряжаться...

Ки приподнялась, собираясь что-то сказать, но Вандиен опередил ее:

– Она рассказала мне, что там требовалось сделать, и работа не показалась мне особенно сложной, скорее занятой. Но я повторил ей, что не могу поручиться насчет упряжки, поскольку она не моя. Женщина истолковала мои слова как намек, что не вредно бы повысить плату. Она повысила. Я опять повторил, что должен сначала обсудить все с тобой. Что ты думаешь, она опять повысила ставку! Причем настолько, что меня оторопь взяла. Тем не менее, я еще раз ей объяснил, что лучше пусть она подождет тебя и переговорит с тобой лично. Тут Зролан прямо обмякла, даже глаза блеснуть перестали, и сделалось видно, какая она на самом деле старая...

Вандиен изобразил свою давешнюю собеседницу, на какое-то время став удивительно похожим на удрученную старую женщину. И умоляюще простер руку к Ки:

– Увы, она не могла задерживаться в Дайяле. У нее дочка в Горькухах, так этой дочке скоро рожать, и мать собиралась там быть, потому что больше никому, мол, не справиться: было уже трое неудачных родов, ни один ребенок не выжил. Вот Зролан и собралась прини-

мать роды сама, не доверяя больше никакой дуре-повитухе. Даже меня убедила, что одно ее прикосновение и дочке поможет, и младенцу жизнь сохранит.

– Ну и что ты издеваешься? Дело-то действительно безотлагательное! И важное! – буркнула Ки. От Вандиена не укрылась веселая нотка в ее голосе, и он разыграл оскорбленную невинность:

– Твоя правда, Ки. Особенно если учесть, какую безумную плату она под конец предлагала за плевую, в общем-то, работенку. Одними деньгами, не говоря уж про все остальное, знаешь сколько сулила? За работу, которая отнимет-то самое большее день? Правда, ее и надо завершить за один день... Шесть штук серебра! Каково, а? Шесть штук! – повторил он гордо.

Ки пропустила умопомрачительную сумму мимо ушей.

– Ну и ты?.. – спросила она, с широкой ухмылкой поворачиваясь к Вандиену. – И ты не?.. Он передернул плечами, слегка озадаченный переменой ее настроения.

– Я согласился, – заявил он. – Я решил, что в этот один-единственный раз ты мне, может, простишь, что я без тебя тебя женил. Уж больно цена заманчивая, ты не находишь? А кроме денег она еще...

– Вандиен!.. – Ки душил смех, она тщетно пыталась стереть улыбку с лица. – Дай-ка я попробую угадать, что это за работа и каковы условия. Эта Зролан, она собиралась уплатить тебе только после успешного окончания работы, ведь так? Что-то такое сделать в один день, причем в этой их Обманной Гавани... – В ответ на каждую фразу Вандиен осторожно кивал, и всякий раз Ки так и прыскала. – Вандиен, – сказала она наконец, – не иначе ты подрядился проникнуть с упряжкой в затопленный храм Заклинательниц Ветров и выудить оттуда давным-давно пропавший сундук?..

У Вандиена вытянулось лицо, зато Ки, поникнув к нему на плечо, хохотала самозабвенно, до полной потери сил. Глаза-стебельки т'черья стали негодующе поворачиваться в их сторону. Грубые, громогласные человеческие существа профанировали священнодействие принятия пищи и самым бессовестным образом предавались пустой болтовне, между тем как добрая еда безвозвратно остывала перед ними на песке.

– Не вижу ничего смешного! – решительно заявил Вандиен, из последних сил пытаясь устоять и не присоединиться к заразительному хохоту Ки. – Значит, ты уже слышала то, о чем рассказала мне Зролан? Ну, про то, как опустилась земля и храм затонул, только громадный бронзовый колокол продолжает звучать из-под морских волн, когда его раскачивает приливом? Говорят, во время штормов поднимается такой набат, что даже скотина в стойлах мечется от ужаса...

– А глубоко, глубоко в залитых водой храмовых подземельях, – подхватила Ки, стараясь придать таинственность своему чуть хрипловатому голосу, – глубоко, глубоко в залитых водой храмовых подземельях стоит огромный металлический сундук, в котором хранится одна из двенадцати величайших тайн Заклинательниц. Если этот сундук однажды выйдет на свет и будет отдан в руки честных людей, тем самым будет добыто свидетельство, что Заклинательницы преступили священную клятву, данную ими когда-то, и из бескорыстных служанок мира превратились в корыстолюбивых стяжателей и тиранов. Великая честь будет воздана герою, который добудет это свидетельство. Долгие века бесчисленные уста будут торжественно повторять имя отважного возчика. Поколение за поколением будут славить его, называя своим избави...

– Ну ладно, ладно, – сконфуженно улыбаясь, перебил Вандиен. Потер ладонью губы и подбородок, потом вновь расправил усы. – Похоже, я влип в какую-то игру. Хорошо, но она-то что собирается с этого иметь? Или это просто сумасшедшая бабка, которую посылают подговаривать легковверных чужаков?..

– Отнюдь нет. – Ки глотнула еще вина, протянула руку и потрогала пальцем край миски, стоявшей перед нею в песке. Палец пришлось немедленно отдернуть: – Ну и кипяток! Все

равно ждать, пока остынет, так что лучше я тебе расскажу все, что сама знаю... Вообще-то говоря, изначально шутками тут и не пахло. Там в самом деле был древний храм Заклинательниц, и когда во время землетрясения часть суши ушла под воду, вместе с нею погрузился и храм. Одна Луна знает, сколько лет назад все это было. Не исключено, что в храме вправду был колокол, и кое-кто до сих пор божится, что слышал, как он звонит во время шторма. Может, там и сундук железный стоит, откуда я знаю. Жители Обманной Гавани, кажется, искренне верят, будто это не враки. Так вот, каждые четыре-пять лет выпадает месяц, когда случается исключительно низкий прилив. Местные жители умеют предсказывать его наступление и каждый раз из кожи вон лезут, чтобы нанять возчика с упряжкой. И вот наступает ночь, когда храм частично показывается из-под воды. Во всяком случае, то, что от него к настоящему времени сохранилось. И каждый раз какой-нибудь идиот-возчик копошится впотьмах, в холодной воде, пытаясь выудить сундук... – Ки вновь приложила к бокалу. Сладкое вино хранило аромат виноградных гроздьев, от него приятно покалывало в носу. – Может, скажешь заодно, что хоть мы пьем?

– Бергун. – Вандиен потянулся вперед и плеснул себе еще. – За точность не ручаюсь, но т'черийка, которая мне его подавала, произнесла какое-то похожее слово. Она все порывалась вскипятить его, но я сказал, что предпочитаю холодное. С той минуты я окончательно превратился для нее в варвара...

– Хотела бы я знать, как должно быть нагрето питье, чтобы т'черья обжегся!

– А я хотел бы знать, почему никто до сих пор не вытащил этот сундук! – неожиданно заявил Вандиен.

– Чтоб мне провалиться, если я знаю, – пожала плечами Ки. – Тут, насколько мне известно, мнения расходятся. Кое-кто говорит, что никакого сундука там вовсе нет. Другие утверждают, что он есть, но хорошо запрятан. Третьи – что он, дескать, страшно тяжелый, если и найдешь, так никакой упряжкой не вытянешь. А четвертые – и лично мне это кажется наиболее вероятным, – что сами Заклинательницы не больно-то хотят, чтобы его разыскали и вытащили. Каждый раз, когда приходит время отлива, поднимается ужасный шторм с ледяным ветром, так что тому, кто лезет в храм, жизнь малиной вовсе не кажется. Тем не менее, очередной дурак неизменно находится. И делает попытку. Я даже так понимаю, что жители Обманной Гавани всякий раз устраивают вокруг этого события некое празднество. То есть сам возчик, понятно, ни гроша не получает, но, если он честно пытается что-то предпринять, деревня принимает его на славу. Ну, там, хорошая комната, бесплатный стол...

Вандиен тоже потрогал пальцем край миски:

– Ну что ж, в любом случае не совсем даром время потратим. А? Пару-то деньков за стол и ночлег?..

Ки только фыркнула:

– Делать мне больше нечего, переться ради этого с фургоном в Обманную Гавань. Кроме того, я отнюдь не намерена выставять себя на посмеище, неизвестно зачем бродя во время шторма по пояс в холодной соленой воде. Кстати, никак не возьму в толк, почему им понадобилось прицепиться со своим предложением именно к тебе? Хотя... Ты ведь не сегодня приехал, верно? Не видел тут никого больше из ромни?

– А как же. Рифу и этого дрессированного медведя, которого она держит вместо мужа... Слушай, Ки, – сказал он совсем другим голосом. – Я ведь не из-за денег на это дело пошел. Она мне еще кое-что...

– Рифа! Ну конечно. Воображаю, как это ее насмешило. Они, наверное, подъехали сперва к ней, а она, не будь дура, отказалась, зато ради смеха направила их к тебе. Смекнула небось, что ты ничегошеньки про Обманную Гавань не знаешь!

– Говорю тебе, не в деньгах тут дело, – проворчал Вандиен и, покосившись на Ки, убедился, что она по-прежнему не обращает на его слова никакого внимания. Зато пьяный медник,

бушевавший в соседней комнате, похоже, пересел за другой столик: непристойности неслись уже непосредственно из-за двери. Ки недовольно покосилась в ту сторону. Она ведь перешла в эту комнату ради того, чтобы удалиться и от него самого, и от того фонтана обличений, перемешанных с бранью, который он неистово изрыгал в адрес Заклинательниц. У нее не было ни малейшего желания все это слушать, тем более что жалобы медника особой оригинальностью не отличались. Он костерил налоги на дождь, непосильные для мелкого торговца, каковым он являлся, не говоря уже о земледельцах, которых они попросту разоряли. Бедные, бедные земледельцы, у которых злобные ведьмы отнимали чуть ли не весь с таким трудом собранный урожай. Одним словом, старая, тысячу раз пережеванная история. Куда бы ни приводила Ки дорога, жалобы раздавались все те же. Другое дело, обычно у людей хватало ума сообщать о своих претензиях лишь ближайшим друзьям, да и то шепотом. А не орать о них во все горло, притом в людных местах.

Она оглянулась на примолкшего Вандиена. Тот задумчиво ковырял поясным ножом в миске. Т'черья не пользовались столовыми приборами и не считали нужным предлагать их посетителям своих заведений. Ки тоже вытащила короткий ножик и подцепила им нечто лежавшее у нее в миске. Зеленоватый кубик источал пар. Ки осторожно подула на него, пытаясь остудить, и положила в рот. И немедленно пожалела об этом. Они с Вандиеном только что рассуждали об отливах; Ки хорошо знала, как пахнет во время низкой воды, а теперь ей довелось узнать, каков отлив на вкус. Она торопливо проглотила взятый кусок, чтобы хоть таким образом избавиться от него. Но даже глоток бергуна не перебил этот привкус. Ки повернулась к Вандиену, намереваясь ядовито прокомментировать заказанную им еду... Вандиен по-прежнему молча смотрел в свою миску, помешивая в ней ножом.

– Не мешай ножом, беду намешаешь, – предостерегла его Ки.

– Уж эти мне ромни, – фыркнул он. – Все в суевериях!

– Так что все-таки она тебе предлагала помимо денег, а, Вандиен?

Он едва заметно покраснел, но румянец скоро пропал. Он рассеянno поскреб пальцем шрам:

– Да так, ничего особенного.

Наколов ножом зеленый кубик, Вандиен отправил его в рот. Ки выжидающе смотрела на него, но Вандиен разжевал еду и проглотил, не переменившись в лице и ничего не сказав.

– Ну а все-таки? – настаивала Ки. Похоже, глуповатая шутка Рифы ему не очень понравилась. Обычно Вандиен не обижался, когда его вышучивали, – даже тогда, когда ему не удавалось поднять на смех самого зачинщика. Ки не могла взять в толк, что это такое на него нынче накатило. Она уставилась на него зелеными глазами, решившись не отводить взгляда, пока он не расколется. Он прожевал еще три куска и, наконец, заговорил:

– Вообще-то я дал ей слово. Мы пожали друг другу руки...

– Ну и?.. – подтолкнула его Ки, уверенная, что парень темнит.

– Слушай, тебе что, мало? А то я не видел, как ты рисковала жизнью налево и направо, только чтобы не нарушать данного слова?

– Но ведь Рифа просто пошутила, Вандиен. Просто пошутила, понимаешь?

– Может, и так. Но предложение, которое сделала мне та женщина, было вовсе не шуточным. И я давал слово тоже совсем не в шутку. Знаешь, Ки, по-моему, у нас все-таки ничего не отвалится, если мы за это возьмемся. Даже если мы потерпим неудачу, как и все прочие до нас, мы...

– ...будем выглядеть законченными идиотами, – договорила за него Ки. – Знаешь, моих коней надо кормить, а фургон – чинить время от времени. Если я буду хвататься за какую ни попадя работу, за которую расплачиваются кормежкой и ночлегом, я без штанов скоро останусь... И потом, – добавила она, помолчав, – я с подобными делами вообще связываться не желаю. Я грузы вожу. Ну, там, иногда покупаю, отвожу и продаю в другом месте. Но всякие

затопленные сокровища, Вандиен, это не по моей части. Особенно когда не вполне ясно, кому эти самые сокровища принадлежат. Как по-твоему, придут ли Заклинательницы в особый восторг, если сундук будет извлечен и принародно вскрыт? Как по-твоему, понравится ли им даже попытка это предпринять?.. Нашему брату возчику надо стремиться если не к благосклонности властей предрежащих, то хоть к тому, чтобы пореже попадаться им на глаза. Вот это у меня как раз здорово получается: не высовываться, и все. На что мне это надо – выуживать из воды какие-то реликвии Заклинательниц, и зачем – чтобы чокнутая бабка могла доказать, что Заклинательницы – надругательство над природой! Во имя Луны, Ван!.. Я же ромни, в конце-то концов. Тебе этого мало? И так мы, ромни, все шишки собираем...

Ки остановилась перевести дух. Вандиен не смотрел на нее. Он слегка хмурился, отчего из углов темных глаз разбегались морщинки. Ки знала: когда его лицо разгладится, вместо морщинок на коже будут видны белые полосы, избегнувшие загара. Еще она видела, что в ближайшем будущем на эти полосы можно не рассчитывать. Ко всему прочему Вандиен слушал не ее, а пьяные проклятия, доносившиеся из-за двери.

Ки не очень-то нравилось, как обернулся их разговор, но позволить себе пойти на уступки она не могла. Еще не хватало, чтобы он повадился втравливать ее в какие-то дела, не заручившись ее предварительным согласием. В конце концов, она возчица, ей и оценивать, за что следует браться, а за что нет. Вандиен устроен совсем по-другому и привык все делать по первому побуждению. Ки всегда стремилась до мелочей распланировать каждый день, а его это выводило из себя. Дай ему волю, он бы всякий раз двигался вперед допоздна, надеясь, что вот-вот подвернется еще лучшее место для ночевки. Не перечить случаям, когда он подговаривал Ки свернуть на какую-нибудь никому не ведомую «короткую дорогу», но все его увещевания и подначки натывались на ее непоколебимый отказ. Ладно, пусть его сколько угодно возмущается ее неумеренной осторожностью и тем, что ему угодно именовать в лучшем случае детскими страхами. Ему ведь не довелось вырасти среди ромни, вечно кочующих с места на место и привыкших полагаться не на удачу, а на трезвый расчет.

– Вандиен, друг мой, – тихо проговорила она. – Если мы вызовем недовольство Заклинательниц, их злая воля настигнет нас повсюду, где бы мы ни пытались укрыться. От них ведь не отделаешься простым «извините» и поспешным отъездом. Их влияние не ограничивается тем или иным краем или страной. Они повсюду. И если они рассердятся, нам с тобой до конца наших дней не видать ни единого дня с приличной погодой. Я уж молчу про то, что никто меня не наймет и не станет покупать у меня товары...

Вандиен, наконец, повернулся к ней лицом и посмотрел ей в глаза. Но медник, прах его побери, уже так расшумелся, что Ки приходилось чуть ли не кричать, чтобы быть услышанной. Т'черья, обедавшие за соседними столами, поспешно покидали помещение. Они считали за оскорбление, когда их беспокоили во время еды. Ки было наплевать, что там они думали. Она хотела только, чтобы Вандиен ее понял. К тому же она видела, что он одним ухом прислушивался к болтовне медника, и это ее раздражало. Она взяла Вандиена за руки и снова попыталась что-то сказать, но пьяный рев заглушил ее слова:

– ...А я говорю – сжечь! Спалите урожай прямо в поле, развеите по ветру состриженную овечью шерсть! И пусть посвистят, зарабатывая свою долю! А то, как требовать лучшее из того, что мы зарабатываем потом и кровью, – это пожалуйста, а что взамен? Ласковые ветры и дожди, которые и так по праву принадлежат всем тварям, живущим на этой земле?.. Нет, сжечь поля, шерсть, и пусть нюхают дым и прядут пепел! Вот их доля!.. Оставляйте себе только то, в чем нуждаются ваши семьи. Пусть-ка хоть раз переживут голодную зиму, каких нам перепадало в избытке! И может, тогда...

Было похоже, что эти истерические выкрики производят на Вандиена определенное впечатление. Ки сжала его запястья и даже привстала, крича ему в ухо:

– Да послушай же!.. Только глупец встает им поперек дороги! А я, чтобы ты знал, не дура. Пускай другие лезут в герои! Я хочу, чтобы мы просто шли своей дорогой и ни во что не впутывались. Надо жить тихо! Вандиен, на свете есть ты, я и кони, а все остальное я, в общем, в гробу видела. Но вот за то, что мне дорого, я кого угодно живьем съем. Понимаешь?.. Оставь Заклинательниц в покое, и они нас трогать не будут...

Тут она с удивлением заметила, что вокруг воцарилась подозрительная тишина. Т'черья куда-то подевались из комнаты, зато в раскрытой двери виднелось сразу несколько физиономий – человеческих, керуги и оло, – и они смотрели на нее напряженно и зло. Оказывается, ее горячая отповедь привлекла внимание не только Вандиена, но и чуть ли не всех находившихся в гостинице. Был тут и медник, зловеще созерцавший ее сквозь пряди сальных волос, упавших на бесцветные глаза. Мокрые губы судорожно дергались: он подыскивал слова, но пока только неразборчиво булькал. Ки, признаться, струхнула. Как и все прочие, медник, похоже, решил, что она грудью встала против него на защиту Заклинательниц.

Один из оло, обвивавший плечи своего керуги, что-то пропищал в тишине. Т'черийская служанка выронила поднос и поспешно шмыгнула в низенькую дверь, что вела на кухню. Ки проводила ее глазами, не понимая, в чем дело. Между тем Вандиен, сидевший рядом, рывком вскочил на ноги и, бесцеремонно оттолкнув Ки, нагнулся и ухватил край низенького стола-подноса. Еще миг – и стол встал на ребро, разметав по полу песок и еду. Сильные пальцы Вандиена сомкнулись на плече Ки и дернули ее на пол так, что затрещала рубашка. В этот же миг в столешницу с треском врезался первый брошенный предмет. Разлетелись черепки, хлынули брызги горячего соуса...

Рука Вандиена метнулась к бедру, но схватила пустоту. Его рапира осталась висеть на гвозде в фургоне Ки, но, даже будь она здесь, она мало кого защитила бы от летящей посуды. Что же до поясных ножей, они годились для того, чтобы резать хлеб и сыр, но не для драки. В столешницу грохнули сразу три кружки и большой поднос. Ки и Вандиен одновременно нырнули вниз, стукнувшись головами.

– Проклятье!.. – Ки присела на пятки, ожидая, пока перед глазами прекратят плясать искры. Из двери слышались торжествующие крики. Метатели кружек праздновали удачу. Ки осторожно высунулась посмотреть. В т'черийскую комнату противники пока не совались, ограничиваясь «стрельбой» из безопасных укрытий. Ки заметила, как в ее сторону полетел металлический кувшин, и поспешно убрала голову. Стол содрогнулся, раздался звон. Ки оглянулась на Вандиена. Он ухмылялся, и это обозлило ее еще больше. – Ну и что мы теперь собираемся делать? – закричала она. – Они там с ума посходили!..

Вандиен веселился. Вполне в его духе – веселиться в подобный момент.

– Не знаю! – сказал он. – В любом случае обещаю никогда-никогда больше не мешать в миске ножом. Слушай, а с какой целью ты так здорово их раздражила?

– Я? Раздразнила? Да я с тобой разговаривала!.. – Ки почувствовала, как губы расплзаются сами собой, складываясь в такую же, как у него, кривую ухмылку. – Если бы ты слушал, что тебе говорят, мне не пришлось бы орать...

– Извини, отвлекся... – Вандиен быстрым движением высунул руку из-за стола, подобрал свою миску и запулил ее в нападавших. Вращаясь, миска пронеслась через комнату и вдребезги разлетелась о дверной косяк. Их противники сейчас же попрятались. – Видишь ли, – как ни в чем не бывало продолжал Вандиен, – мне показалось, что то, что он говорил, относилось не только к земледельцам и ткачам, но до некоторой степени и к нам тоже. Но... – Ки мрачно нахмурилась, и он быстро закончил: – Но теперь в любом случае не время для обсуждений.

Ки пошарила возле своей стороны стола и подобрала с пола стакан. Быстро прицелившись, она метнула его. В соседней комнате топотали, бегая туда и сюда и запасаясь «боеприпасами».

– Твои слова прилипли как нельзя более кстати, – преспокойно продолжал Вандиен. – Никто из них не спешил вслух поддерживать нашего друга медника, ибо в глубине души все понимают, как это глупо – пытаться противостоять Заклинательницам. Он, однако, заставил их всех почувствовать себя малодушными трусами. И вот, как раз когда они оказались перед окончательным выбором – либо вслух согласиться с медником, либо поджать хвост и ползти прочь, – является Ки и во весь голос высказывает те трусливые опасения, которые они держали при себе. Какая возможность вылить на нас все то, что им иначе пришлось бы либо втихомолку проглотить, либо выплеснуть на Заклинательниц!

Говоря таким образом, Вандиен пытался раскатать хоть одну из четырех ножек стола. Все напрасно. Короткие крепкие ножки были приделаны на совесть. Может, как раз в предвидении подобного случая.

– Я не считаю свое мнение «трусливыми опасениями», – прошипела Ки. – Это здравый смысл, а вовсе не трусость!

– Какая разница? – пожал плечами Вандиен, ныряя в укрытие. Тяжелая кружка задела верхний край столешницы, отлетела, ударила в стену и свалилась на пол подле него. Вандиен без промедления вернул ее нападавшим.

– Мы можем обсудить это сейчас, – сказал он. – А можем после того, как они наберутся храбрости и пойдут штурмовать...

– Любая дорога начинается с того места, где ты сейчас стоишь, – ответила Ки старинной поговоркой ромни. Быстро вскочив, она схватила два кувшина с полочки над их головами и вновь поспешно присела.

– Вероятно, имеется в виду, что ответы надо находить самому, а не искать козлов отпущения, – сказал Вандиен, запасаясь по ее примеру предметами для метания. – погоди, Ки, в этих кувшинах – отличное вино, что довольно редко встречается здесь в Дайяле. Можешь мне поверить – я походил здесь кругом. Неужели ты собираешься швыряться полными...

– А вот смотри! – ответила Ки и, осмелев, вскочила, размахиваясь. К ее полному удовлетворению, кувшин грянул в притолоку, окатив с головы до ног самое меньшее двух противников и разметав по всей комнате глиняные осколки. Ки расхохоталась, видя, как нападавшие шархнулись прочь, загораживаясь руками. Остро запахло разлившимся бергуном.

Вандиен дернул ее за руку, заставляя сесть, и весьма вовремя: о стену, где только что стояла Ки, разлетелась чашка. Во все стороны полетела бурая слизь, которую получали из перебродивших кесслеровых бобов. Вонь была такая, что у обоих перехватило дыхание. Нежелание Вандиена губить полные кувшины растаяло как дым. Схватив сразу два, он завертел руками, как мельница, и запустил их во врагов. Ки немедленно воспользовалась прикрытием и стащила с полочки еще пару. Как раз когда они с Вандиеном ныряли под стол, из соседней комнаты послышались жалобные крики.

– Попали!.. – кровожадно оскалилась Ки. Вандиен оглянулся, их взгляды встретились... И у нее и у него глаза искрились одинаковым азартом. Да, это было опасно и безрассудно, да и доброго питья было жаль... но, проклятье, разве это было не настоящее веселье! Вся напряженность, возникшая было между ними, исчезла без следа. Кувшин, пущенный недрогнувшей рукой Вандиена, попал меднику прямо в пузо и унес его из дверного проема. Вандиен захохотал так, что шрам на лице собрался мелкими складками.

В той комнате уже не кричали, а попросту завывали от злобы. В низенькую дверцу, что вела на кухню, заглядывали т'черийские глаза на стебельках. Вопли делались то громче, то тише. Вот появилось еще несколько глаз... Хозяйка гостиницы. Ки запустила в кухонную дверь бутылкой, и хозяйка поспешно исчезла. Пусть видит, что тут не просто кидаются мисками, – речь идет о сохранности ее имущества и припасов. Может, додумается стражу позвать...

Ки рассчитала правильно. В то время когда Вандиен отправил в полет последний кувшин, до которого они могли дотянуться, не выскакивая из-за своего стола, снаружи послышались

предостерегающие окрики городских стражников. Весь шум и гам утих столь же внезапно, как и начался. Ки услышала удаляющийся топот сапог и шуршание удирающих керуги. Стало совсем тихо. Ки победно улыбнулась Вандиену и принялась с брезгливым смешком отряхивать с одежды вонючую бобовую слизь. Она увидела, как неожиданно одеревенело лицо Вандиена, и проследила его взгляд. В дверном проеме стояла хозяйка гостиницы, а по бокам ее – двое здоровенных брорианов. На обоих было обмундирование и шейные цепочки городских стражников. Широкие рожи расплывались в нехороших усмешках, а хозяйка указывала пальцем и, шепелявя, лопотала на Общем:

– Эти два!.. Их начали свалка, их пускай платят вся-вся ущерб!

Было уже совсем темно, когда Ки с Вандиеном выбрались наконец на пыльную улицу.

– Где хоть ты оставила фургон?..

– На поляне за городом. Там вроде был когда-то дом, но он сгорел, и владелец, видимо, бросил участок. Лужайка хорошая, трава...

Они широко и быстро зашагали по улице. Холодная, зябкая ночь быстро сменяла дневную жару. Серая дорожная пыль фонтанчиками взлетала из-под сапог.

– Сколько у нас денег-то осталось?

– Пять дрю, – с глубоким отвращением ответила Ки. – После того как ты расплатился за еду и постой...

– Цены были божеские, – вставил Вандиен.

– Ну да. Когда ты забрал свои вещи, хозяйка подсчитала убытки, включив не только то, что порушили мы с тобой, но и все, что перебили те недоноски. Она заявила стражникам, дескать, если бы я не встряла, тот медник выпил бы еще немножко и убрался по-тихому. Как тебе это нравится? И еще она утверждала, будто в тех кувшинах, которыми мы швырялись, был не бергун, а шеффиш-бренди...

– Что?! – Вандиен остановился как вкопанный и уставился на нее.

– Что слышал, – мрачно заявила Ки. – Туда-то и ушла большая часть наших денежек. Каким образом я должна была доказывать, что это был бергун?.. А спорить с брорианами мне как-то не захотелось...

– Да в этом занюханном городишке и капельки шеффиша не найдется, куда там кувшины!..

– Правильно, – кивнула она. – Просто, когда заставляешь кого-то раскошелиться за пролитое и впитавшееся в половицы, прямая выгода сделать вид, будто пролил он не дешевый бергун, а самый лучший и дорогой шеффиш. Брориан, понятно, встал на ее сторону...

Вандиен только плюнул:

– Во имя Луны!..

Они зашагали дальше. На улицах почти никого не было, между закрытыми ставнями редко где пробивались лучики света. Кожаные дверные занавески были спущены и крепко завязаны на ночь. Туда и сюда бегали бездомные псы, вынюхивая съестное. Спящий город казался тихим и мирным.

– Ну так что, двинемся завтра в Горькухи? – кинул пробный камешек Вандиен.

Ки оглянулась через плечо:

– Куда? В Горькухи? Ну нет, я собираюсь отправиться с конями на рынок и взяться за любой извоз, какой мне только предложат. С пятью дрю в кармане насчет кормового зерна не очень-то разбежишься, да мне и самой есть-пить тоже надо! Ехать в Горькухи искать работу, чтобы прибыть туда вовсе уж без гроша? Спасибо!

– Но ведь прямо за Горькухами – Обманная Гавань, и там нас всяко приютят на несколько дней. А потом, может, и работа какая найдется...

Ки закатила глаза:

– Слушай, ну какая муха тебя укусила? По-моему, мы с этими делами и так уже неплохо влипли...

– Меня не муха укусила, я слово дал. И собираюсь его сдержать.

– Не вижу, при чем здесь моя упряжка, – заявила она тоном окончательного отказа.

– А я на нее не особо и рассчитывал, дорогая моя. Не твоя, значит, другая. А стало быть, лучше мне двинуться в Обманную Гавань прямо сейчас, чтобы хватило времени нанять упряжку в Горькухах...

– Нанять?.. – не веря своим ушам, переспросила Ки.

– Я договарюсь, чтобы плата за упряжку зависела от того, заплатят ли мне самому.

– Да. Если уж кому и удастся подбить какого-нибудь возчика на подобную сделку, так только тебе...

– Не всякого. Тебя, например, мне убедить не удалось.

Ки сморщилась, как от зубной боли:

– Неужели ты вправду сердись, Вандиен?

Он неожиданно рассмеялся:

– Да ни в коем разе! – Крепкая жилистая рука обхватила Ки за талию. Так они и шли рядом, задевая друг друга бедрами. – Просто как-то боязно браться за такое дело одному, без тебя, – продолжал Вандиен. – Не бери в голову, ты совершенно права. Если бы мы явились туда с оголодавшей упряжкой, наши шансы совершить невозможное вообще свелись бы к нулю. Нет, Ки, дело в том, что... просто некоторые вещи мне лучше удаются, когда я с тобой. Особенно по части выставить себя идиотом...

– По-моему, тут мы оба талантливы, – согласилась она со смешком. Потом вздохнула: – Вот что, Вандиен. Сейчас я поищу какую-нибудь работу, но, когда я ее сделаю и в кармане что-нибудь забренчит, я заеду за тобой в Обманную Гавань. Может, еще подоспею к этому их отливу и посмотрю, как ты будешь там корячиться. Но откуси я собственную голову, если я хоть палец о палец ударю, чтобы тебе помочь. Уж мне эта Рифа!..

– Она, кстати, так и не смирилась с тем, что тебя угораздило спутаться с бродячим псом вроде меня. И в особенности оттого, что я не могу дать тебе детей...

– Дети у меня уже были, – коротко отозвалась Ки. Вандиен подумал и переменял тему:

– Ну так я, стало быть, потащился в Горькухи. Пока!

Вместо ответа Ки крепко обхватила его поперек тела, как раз по поясному ремню. Движение вышло сильным и порывистым – Вандиен сбился с шага и едва не споткнулся. От него пахло папоротником; так пахнет в сумерках свежескошенный луг, отдающий тепло нагретой солнцем земли. На какой-то миг во всем мире для нее существовали только его темные, искрящиеся глаза, тугие непокорные завитки волос на затылке и твердые губы под мягкими, шелковыми усами.

– Я тебе дам «пока», – ворчливо пригрозила она. – Завтра утром куда еще ни шло...

Скоро перед ними зачернела глыба фургона, и Сигурд, приподняв голову от сочной травы, приветливо заржал из темноты.

2

Мальчишка проталкивался сквозь базарную суету, вздымая босыми ногами горячую пыль. Казалось, вопли лоточников и приглушенные споры торгующихся только усиливают жару. И как вообще люди могут торговать в такую погоду?.. Все же каким-то образом они умудрялись. Делал свое маленькое дело и мальчик: разносил послания из конца в конец запруженного народом, изнемогающего от зноя города. Он знал, что совсем скоро начнутся внезапные, непредсказуемые осенние бури. И он еще успеет соскучиться по нынешней жаре, шлепая по колену в грязи, под холодным дождем. Мальчик облизал пересохшие губы и принялся проталкиваться между плотно сгрудившимися фермерами.

Перед ним был как раз тот угол площади, куда приходили ищущие работы и заработка. В сторонке стояли сезонные рабочие, вооруженные косами и лопатами: вдруг понадобятся какому-нибудь земледельцу, припозднившемуся убрать урожай? Увы, год выдался засушливый: Заклинательницы Ветров пустыми угрозами не ограничились. Урожай был скудный, так что большинство хозяев справилось с ним без посторонней помощи. Впрочем, до сезонных рабочих мальчику не было никакого дела.

В другом углу стояли со своими упряжками наемные возчики. Здесь не было ни клочка тени; зеленые мухи одолевали беспокойных, мучимых жаждой животных. Возчики едва поспевали их отгонять. Мальчик опасливо обежал бычью упряжку и едва успел увернуться от какой-то клячи, оскалившей на него желтые зубы. Хозяин клячи расхохотался, показывая зубы – такие же длинные и желтые, как и у его лошади. Но мальчик уже заметил то, что он разыскивал.

Высокий расписной фургон заметно возвышался над тележками и повозками, сгрудившимися на площадке. Задняя часть фургона представляла собой открытую платформу, предназначенную для грузов. Пара серых тяжеловозов не потела в упряжи, стоя на солнцепеке: кони были выпряжены и привязаны в убогой полоске тени, отбрасываемой фургоном. Что касается самой возницы, она клевала носом на сиденье. Мальчишка немедленно потерял к ней всякое уважение. Надо быть окончательной душой, чтобы дрыхнуть таким образом посреди шумного торга, где каждый второй уж точно был нечист на руку. Мальчик остановился посреди улицы, снизу вверх глядя на женщину. На ней была широченная синяя юбка, из-за которой она выглядела еще более миниатюрной и хрупкой. На расшитой блузке проступали темные пятна пота. Русые волосы спадали на плечи, липли ко лбу...

Мальчик подошел, беззвучно ступая по пыли босыми ногами. И протянул руку, собираясь дернуть возницу за юбку. Но прикоснуться не успел: зеленые глаза мгновенно раскрылись и пристально уставились на него.

– Как у кошки!.. – выдохнул мальчик, поспешно отдергивая руку.

– Чего надо? – осведомилась Ки, не обращая внимания на столь странное приветствие.

– Мне-то ничего, – ответил мальчик. – Меня просто прислали сказать тебе: «Если хочешь поработать на приличного заказчика и за хорошую плату, подгони фургон к черному каменному дому в конце улицы, ведущей мимо мастерских кузнецов и бондарей». Вопросы есть, возница?

– А кто в том черном доме живет?

Мальчик ответил, помявшись:

– Откуда я знаю...

– А что они хотят, чтобы я перевезла?

– Откуда я знаю.

Ки смотрела на него с высокого сиденья. Загорелая мордочка и обтрепанная рубашка, безнадежно короткая растущему, как на дрожжах, пареньку.

– Если ты ничего не знаешь, зачем спрашиваешь, нет ли у меня вопросов?

Мальчишка пожал плечами:

– Положено так спрашивать, когда мы передаем сообщение. Ну, на тот случай, если ты не поймешь, что тебе сказано.

– Ясненько...

Ки порылась в тощем кошельке, висевшем у нее на поясе, и вытащила один из медяков, полученных на сдачу с ее последнего дрю. Этот дрю она потратила нынче утром на хлеб для себя и на зерно для своих коней. Скорее всего здесь было принято давать на чай больше, но у нее просто ничего больше не было. Монетка взлетела в воздух. Мальчик ловко поймал ее и уже раскрыл было кошель, но все-таки нехотя остановил руку.

– Та, что меня послала, все оплатила вперед, даже те чаевые, что должен заплатить получатель. Она сказала, у тебя вряд ли вообще что-то найдется...

Медяк вновь описал дугу в воздухе, возвращаясь к Ки, но она отбила ее ладонью:

– Оставь себе, парень. Я тоже страдаю избытком честности и знаю, как редко это вознаграждается...

Мальчик удивленно и благодарно улыбнулся ей, показывая два ряда белых зубов. И засверкал пятками, пока странная возчица не передумала.

Ки потянулась, потом провела рукой по лицу, стерев слой пыли и пота. Спустившись с сиденья, она занялась серыми, уговаривая их встать на места и дать себя запрячь. Как бы ей хотелось разузнать побольше о таинственной заказчице. Например, откуда она узнала, что Ки столь основательно издержалась. Да уж, тут не покапризничаешь, выбирая, на кого стоит работать, на кого нет. Но когда все кому не лень знают, что ты на мели, – это последнее дело. Того гляди обсчитают... Или вынудят заниматься чем-нибудь не слишком законным...

Ки принялась запрягать тяжеловозов. Кроткий Сигмунд стоял терпеливо и неподвижно, не мешая ей затягивать ремни и застегивать многочисленные пряжки. Сигурд переминался, вскидывал голову и фыркал. Избытком терпения и покладистости он не отличался никогда, и три дня, что они провели на жаре в ожидании возможного нанимателя, отнюдь не улучшили его нрав.

Резким движением Ки застегнула на нем последнюю пряжку.

– К вечеру, милый мой, ты у меня так умотаешься, что станет не до штучек, – предупредила она серого гиганта коня. Сигурд фыркнул с явным сомнением.

Ки вскарабкалась на сиденье и легонько хлопнула вожжами. Фургон сдвинулся с места. Ки аккуратно вывела его с торговой площади на улицу и встала на сиденье во весь рост, крича что было мочи:

– Дорогу! Дорогу!..

Торговцы и разносчики неохотно раздавались в стороны. Ругань, которую вызывала поднимаемая фургоном пыль, заглушала негромкий рокот колес. Решившись не обращать внимания, Ки встряхнула вожжами. Кони зашагали проворней; на серых шкурах начали проступать темные пятна пота.

Отыскать улицу кузнецов оказалось проще простого. Лязг молотков, усердно плющивших раскаленный металл, далеко разносился в жарком воздухе. Ки поневоле стало жалко учеников, которые качали меха, добела раздувая угли в горнах. Волны жара выкатывались из раскрытых дверей кузниц, обдавая и возчицу, и мерно шагавших коней. Ки вздохнула с облегчением, когда череда кузниц уступила место мастерским бондарей. Но вот фургон миновал и их, а черное каменное здание, о котором говорил мальчик, все не показывалось. Фургон, поскрипывая, катился мимо скособоченных деревянных развалюх, давным-давно брошенных и дошедших до такого состояния, что даже бездомные нищие не желали в них жить. То, что целые кварталы большого и шумного города оказались заброшенными и безлюдными, внушило Ки беспокойство и смутные опасения; дело прояснилось, только когда она увидела пло-

пасть с пересохшим колодцем. Доведись Ки жить в городе с таким резким климатом, как здесь, она тоже предпочла бы поселиться вблизи надежного источника воды.

Деревянные части опустелых домов скукожились от времени и разошлись, топорщась серебристо-серыми щепками. Наверное, решила Ки, эта часть Дайяла была одной из древнейших. Вместо вошедших нынче в моду складных висячих дверей повсюду виднелись двери со сплошными створками, висевшие сикось-накось или вовсе лежавшие на растрескавшихся порогах. Эти двери, а также высота по-старомодному прямоугольных оконных проемов навели Ки на мысль, что эту часть городка строила человеческая колония. Определенно, только люди могли проложить такие улицы, широкие и одновременно извилистые. Керуги предпочитали прямые и узкие проходы, по которым они и сновали, точно насекомые, кишачие в улье.

Остался позади еще один поворот, и Ки наконец разглядела дом, который искала. Черные стены высоко возносились над серыми развалами, – настоящая крепость, владелец которой, не иначе, боялся, что кто-нибудь вломится внутрь или станет подглядывать. Умелые каменотесы придали черным валунам, из которых были сложены эти стены, идеальную кубическую форму. Из-за этого они безо всякой известики прилегали один к другому невероятно плотно, не давая ни малейшей зацепки даже ползучему мху, куда уж там ночному воришке. Несмотря на сухую жару, камень блестел, как мокрый. Ки обратила внимание на большое засохшее дерево, стоявшее возле стены. Его ветви застыли в изгибе, сторонясь черного камня. Похоже, дерево зародилось, выросло и засохло в сени этих стен. Перерасти их дерево не успело: молния обуглила его ствол.

Двустворчатые деревянные ворота, своим цветом ничуть не отличавшиеся от стены, стояли распахнутыми настежь. Кони не особенно рвались въезжать внутрь. Сигурд фыркал, катая грызло во рту. Ки решительно прищлепнула вожжами по необъятным серым спинам. Сигурд фыркнул в последний раз, и фургон, скрипя, вкатился во двор.

Изнутри двор казался таким же покинутым, как те дома, мимо которых Ки только что проезжала. По углам виднелись скелеты засохших кустов, которые закатил туда ветер. Давно умершие деревья возвышались, словно руины когда-то ухоженного сада. Черный дом, стоявший посередине безжизненного двора, равнодушно взирал вокруг глазницами окон. Ки остановила упряжку, всматриваясь в эти окна. Они зияли высоко над ее головой. Прямоугольные окна, как было принято у людей. Зато в нижнем этаже не было ни окон, ни каких-либо иных отверстий, если не считать единственной двери – деревянной и очень крепкой с виду. А выше уровня окон опять простиралась гладкая, без малейших продушин, стена. Если там, наверху, и были какие-то помещения, то, верно, солнечный свет в них не проникал.

– Веселенькое местечко... – протянула Ки, обращаясь к коням.

– Эй! – Неожиданно раздавшийся голос заставил ее вздрогнуть. – Мне что, так и стоять весь день в дверях, ожидая, пока ты соблаговолишь обернуться, и напуская внутрь тучи мух и слепней?..

Оказывается, черная дверь приоткрылась. Ее придерживала пожилая матрона, одетая опять-таки в черное. Взгляд у этой особы был не намного приветливее только что прозвучавших слов. Тощая морщинистая шея и часто моргающие глаза вызвали у Ки мысль о черной птице, сидящей на перекладине виселицы.

– За возчиком не посылали?... – спросила Ки, надеясь про себя, что тут какая-нибудь ошибка.

– Да, посылали, и ты, пожалуй, сойдешь. Ну так что, может, отклеишь свой зад от досок? Или вашему брату привычней торговаться, жарясь на солнце?

Ки молча поставила фургон на тормоз. Хмуро велела лошадям стоять смирно и слезла с сиденья наземь. Вот это называется влипла. Что ж, без гроша в кармане проглотишь и не такое...

Ки подошла к двери. Хозяйка, или кем там она была, дожидаться ее не стала и сразу двинулась по коридору вперед. Ки прикрыла за собой дверь, и дверь хлопнула, пожалуй, громче, чем следовало. Черные юбки проворно шуршали впереди, удаляясь по коридору. Ки пришлось поторопиться. Солнечный свет сюда уже не достигал; вдоль стен стояли зажженные канделябры, но их было маловато, да и свечек в каждом могло бы быть и побольше. Тень Ки то пряталась у нее под ногами, то вновь протягивалась вперед. Дорожные сапоги гулко топали по полу. Женщина, шедшая впереди, вдруг куда-то свернула, и Ки трусцой пробежала несколько шагов, чтобы не отстать и не потерять ее из виду.

За поворотом совершенно неожиданно открылось гигантское помещение. Нигде не было видно ни слуг, ни каких-либо иных домочадцев; потолок возносился на неправдоподобную высоту; эхо шагов отдавалось со всех сторон, точно в пещере. Серые солнечные лучи вливались внутрь сквозь одно из окон, замеченных ею снаружи. Столбы света, в которых плавала пыль, позволяли рассмотреть посередине комнаты небольшой резной столик. Больше в пустой комнате не было вообще ничего. Женщина стояла подле столика в пыльном луче.

Ки помедлила, неуверенно оглядываясь кругом. Как прикажете торговаться и заключать сделки в подобном местечке? Ни тебе кресла, в котором можно было бы развалиться со скучающим и безразличным видом, ни тебе пива или вина, прихлебывая которое при необходимости можно скрыть миг раздумья и расчета... Если бы они взялись действительно договариваться на солнцепеке у ее фургона, Ки и то чувствовала бы себя более в своей тарелке. Однако женщина с птичьими глазами-бусинками не дала ей ни мгновения на размышления.

– Ты должна перевезти груз из Дайяла в Горькухи. Семь сундуков. Они должны быть доставлены в течение четырех дней, начиная с завтрашнего. Любая задержка приведет к вычетам. Четыре дня назначены, чтобы дать время слугам приготовить дом для размещения перевозимых вещей. Но после этого срока никаких задержек мы не потерпим!

– Кажется, я еще не говорила, что согласна на вас работать, – спокойно заметила Ки.

– А я, кажется, не говорила, что собираюсь тебя нанять. И, будь моя воля, нипочем бы не наняла. К сожалению, Хозяин выбрал именно тебя, а его попробуй переубеди!

Только тут, с порядочным опозданием, до Ки дошло, что властно державшаяся старуха была здесь отнюдь не хозяйкой – в лучшем случае старшей служанкой. Ее манера держаться бесконечно раздражала Ки, но, видимо, это следовало списать на ее возраст и должность. Такие, как она, вечно подозревают младших слуг в праздности. Тем не менее вовсе ни к чему было заговаривать с Ки подобным тоном. Да еще и высказывать всякие там мнения.

– Повторяю: я еще не говорила, что согласна на вас работать, – сказала Ки, движимая духом противоречия. – К тому же я веду дела немного не так, как другие возчики, с которыми ты, наверное, сталкивалась. Во-первых, я жестко ограничиваю вес, который предстоит тащить моим коням, а во-вторых, всегда прошу половину вперед.

Она говорила холодно и спокойно, но про себя уже обдумывала дорогу через холмы, по которой можно было добраться в Горькухи в три дня, если не быстрее.

– Да знаю я все твои выверты, девка! – отрезала Глазки-Бусинки. – Я тебе что, какая-нибудь глупенькая-молоденькая служаночка, которая нанимает первого попавшегося возчика, в глаза его не видав и понятия никакого не имея ни о правилах, ни о расценках? Нет, возница Ки, тебя выбирали долго и тщательно, хотя чтоб мне провалиться, если я понимаю за что!.. Груз, чтобы ты знала, будет нисколько не тяжелее, чем ты возишь обычно, и будет загодя упакован и размещен. Семья только настаивает, чтобы ты обращалась с ним со всей мыслимой осторожностью и ни в коем случае ничего не повредила. Мы будем в Горькухах прежде тебя, и там хозяева примут от тебя груз и самолично проверят все печати, не сломана ли какая!

Ки подняла бровь:

– Что хоть я такого повезу, чтобы разводить подобные предосторожности? Если что-нибудь незаконное – предупреждаю, за это я беру дороже...

– Да уж, вы, возчики, такие. Вы такие. Вообще-то не твое это дело, сорока, но я тебе скажу: ты повезешь некоторые домашние вещи, старинные семейные реликвии, не представляющие особой ценности ни для кого, кроме кровной родни. Так что живи спокойно. Все будет упаковано, как я уже сказала. Городская стража тебя не побеспокоит, это я обещаю. Все, что ты должна сделать, – это отвезти вещи по назначению и там получить оставшуюся часть платы. Так сколько, говоришь, ты просишь за поездку в Горькухи?

– В это время года – тридцать дрю, – ответила Ки. – Зимой было бы уже две штуки. Но пока погода еще держится, дороги не развезло... В общем, тридцать дрю, и, по-моему, это довольно-таки дешево.

И Ки сложила руки на груди, готовясь спокойно выслушать встречное предложение.

– Ха!.. Ну ничего себе дешево!.. Ох, предупреждала же я Хозяина, да разве ж он меня слушает! Присоветовал ему, видите ли, тот его дружок-нищий, и все тут. Откуда он взялся, чтобы его в подобном обществе принимали, хотела бы я знать?.. В общем, велели мне его милость заплатить тебе, сколько назначишь. Вот тебе твои тридцать дрю задатка, но учти, если хоть одну самую маленькую печать поцарапаешь – в Горькухах не получишь ни единого медяка...

– Я приеду за грузом завтра на рассвете, – перебила Ки. Говоря о тридцати дрю, она вообще-то имела в виду пятнадцать сейчас и еще пятнадцать потом. Если Глазкам-Бусинкам было угодно истолковать ее слова как тридцать сейчас и тридцать в Горькухах и ответить согласием – Ки разубеждать ее не собиралась. Если у них денег куры не клюют – их дело. С точки зрения Ки, сделка была такова, что можно было не обращать внимания на воркотню.

– Погоди, – сказала тут Глазки-Бусинки. Точно таким же тоном Ки приказывала своим коням стоять смирно, дожидаясь ее возвращения. Взмахнув шуршащими юбками, матрона стремительно развернулась и исчезла за дверью прежде, чем Ки успела вставить хотя бы словечко. Она насторожила уши, предполагая услышать удаляющиеся шаги, но ниоткуда не доносилось ни звука. Ки испытала немалое искушение подойти к двери и выглянуть, но справилась с собой и не стала подсматривать. Она неторопливо обошла комнату, но не обнаружила ничего, что ускользнуло бы от первого взгляда. Окна, расположенные необъяснимо высоко, оставались неразрешимой загадкой.

Перезвон монет, раздавшийся за спиной, заставил ее резко обернуться. Старая служанка как ни в чем не бывало стояла возле стола. На столе же красовался прямоугольник кремового пергамента и на нем – два столбика монет, по пятнадцати в каждом. Глазки-Бусинки постучала желтоватым ногтем по краю стола и жестом указала Ки на лежавшие там предметы.

– Вот твой задаток, – сказала она. – И контракт, который его милость честь честью подписали еще четыре дня назад. Я его прочту тебе, а ты поставь крестик в знак того, что выслушала и поняла.

Ки подошла, цокая подковками сапог по черному каменному полу. И молча накрыла ладонью пергаментный лист, припечатав его к столу. Свободной рукой она сгребла выложенные монеты и ссыпала их в потертый кожаный кошель, висевший на поясе. А потом наклонилась над контрактом, держа руку так, чтобы можно было читать, не давая забрать лист со стола.

Серый свет, лившийся в окно, показался ей каким-то неверным. Контракт был начертан твердым и энергичным почерком, четкими т'черийскими письменами по гладкой поверхности пергамента. Текст был кратким и не содержал ни единого лишнего слова. Возчица Ки возлагала на себя обязанность доставить порученный ей груз к порогу Карн-Холла, что в Горькухах, не позднее чем через четверо суток. Груз должен прибыть туда в идеальной целости, в полном количестве и с нетронутыми печатями. Возчица Ки обязалась предпринять все от нее зависевшее, чтобы это исполнить. В случае если она не справится с поручением, она теряет остаток платы, а кроме того, с нее еще будет высчитано шесть дрю из задатка. Ки нахмурилась. Случись какое-нибудь невезение, и останется она всего-то с двадцатью четырьмя дрю. Не густо. А впрочем, сказала она себе, невезение, конечно, возможно, но не обязательно же

что-то случится. И уж в любом случае двадцать четыре дрю – это вам не единственный медяк, перекатывавшийся сегодня утром у нее в кошельке.

Ки решительно пододвинула к себе пергамент и пошарила глазами в поисках письменного прибора. Женщина в черном перехватила ее взгляд и невозмутимо достала из обширного кармана маленький футлярчик. Внутри него были кисточки для письма и скляночка чернил. Ки столь же невозмутимо взяла кисточку, обмакнула ее в чернила и теми же т'черийскими буквами начертала свою подпись. Покосилась на служанку и торопливо добавила еще два значка: один обозначал «свободнорожденная», другой – «не состоящая в вассальной зависимости». Если Глазки-Бусинки и удивилась, она ничем этого не показала. Разве что стала говорить с Ки еще более высокомерно, чем прежде.

– Итак, отправляйся в путь, – сказала она.

– Я бы сперва пополнила припасы, – ответила Ки.

– Как тебе будет угодно. Помни только, на все дела у тебя ровно четыре дня!

– Вот что, голубушка, – сказала ей Ки. – Ты свое дело сделала, а мне моим предоставь заниматься самой. Как я уже говорила, на рассвете я приеду за грузом, но прежде хотела бы взглянуть на него и прикинуть, каков вес. Где то, что я должна перевезти?

– Погружено в твой фургон, – ответствовала служанка. Круто повернувшись на каблуке, она проследовала вон из комнаты, не потрудившись хотя бы раз оглянуться. Шагала она, как и прежде, совершенно бесшумно. Ки только фыркнула в том направлении, куда она скрылась. Какое-то время она стояла у столика, потом дважды обошла комнату. И наконец поняла, что женщина вовсе не собиралась возвращаться, чтобы проводить ее вон. Ки обозлилась. Она-то было решила, что Глазки-Бусинки отправилась за пивом, которым по традиции скрепляли контракт. Нет, с подобной наглостью ей точно никогда еще сталкиваться не приходилось!

Кое-как разыскав без посторонней помощи дорогу наружу, Ки прошла зябкими голыми коридорами и, моргая и щурясь, выбралась на яркий солнечный свет. И с изумлением убедилась, что Глазки-Бусинки говорила правду. На грузовой платформе фургона действительно красовалось семь ящиков. На всякий случай Ки пересчитала их. Все они были различных размеров, все – сколочены из неоструганных желтых досок. Что же до печатей, о которых столько говорилось, то они представляли собой всего лишь свинцовые блямбы, соединявшие завязанные узлами концы грубых веревок, охватывавших каждый ящик. Ки невольно подумала о том, что так пристало паковать соленую рыбу, а не фамильные редкости. Ки окинула двор довольно-таки злым взглядом, но никого, в том числе грузчиков, по-прежнему не было видно. Лишь черные стены, с которых свисали стебли и плети давным-давно засохшего плюща.

Ки взобралась на платформу и полезла на ящики, стараясь найти изъян в том, как они были погружены и закреплены. Тщетно. Груз был распределен по платформе равномерно и с умом, нигде ничего не ерзало и не шаталось. Что же до веревок, крепивших ящики к фургону, – Ки могла бы поклясться, что узлы были завязаны словно ее собственными руками. Ну дела. Да еще то малоприятное обстоятельство, что кто-то распоряжался ее фургоном как хотел, а бесстыжие кони не издали ни звука, чтобы предупредить хозяйку. Безобразие. Ки постояла на самом верхнем ящике, хмуро глядя себе под ноги. Потом пожала плечами, слезла вниз и уселась на передок. В конце концов, у нее было тридцать дрю – и время, чтобы их потратить.

...К вечеру из тридцати монет осталось всего две. Зато все рундучки в кабине фургона счастливо наполнились. Ки глубоко и с удовольствием вздохнула, вбирая запахи изобилия. С потолочной балки свисали целые связки сушеных корней кара и пряных колбасок. В деревянных ларях покоились розовые глыбки соли, буровато-желтая мука и целые россыпи коричневых бобов. На полочке, завернутые в чистую мешковину, красовались полоски вяленого мяса и рыбы. Глиняный горшочек с медом и оплетенная бутылочка розового цинмесского вина были, конечно, уже роскошью, но Ки успокоила саднившую совесть, купив себе вместо новых башмаков два куска кожи и, соответственно, сэкономив: башмаки она уж как-нибудь стачает сама.

Но вот чему уже совершенно не было оправдания, так это крохотному пузырьку с ароматическим маслом. Ки завернула его в тряпочку и убрала в выдвижной ящик.

Выпрямившись, она оглядела кабинку. Кабинка была невелика, но очень опрятна, и надо ли говорить, что ни ноготка свободного места даром здесь не пропадало. Под спальней лавкой и то были устроены шкафчики. Повсюду были полки, ящички, лари и крючки; единственное окошко было забрано ставнями, чтобы спастись от пыли. Поверх одеял на постели лежало покрывало из мохнатой шкуры оленя... Из угла, точно подмигивая, мерцала потертая рукоять Вандиеновой рапиры.

Наверное, Вандиен уже добрался в Горькухи. Интересно, подумала Ки, удалось ли ему нанять там упряжку. И если да, то сколько с него за это слупили. Вообще-то она не особенно сомневалась, что упряжку он раздобыл. Язык у него без костей: он, пожалуй, и дина уговорит мясо есть. А не сумеет обольстить и улестить, тоже ничего: продаст какие-нибудь из своих побрякушек, и дело в шляпе. Если же и это не поможет... Ки решительно направила свои мысли в иное русло. Уж Вандиен как-нибудь о себе позаботится. Он появлялся в ее жизни и вновь исчезал с удивительным постоянством, но всякий раз как бы случайно. И не то чтобы он боялся накрепко связывать с нею свою судьбу: просто не видел в том необходимости. Он был бесстрашен и безрассуден, сумасброден и невероятно верен в дружбе. Еще не хватало беспокоиться о нем. Никуда не денется, рано или поздно явится снова. И снова учинит кавардак в ее размеренной, обустроенной жизни. Проклятье, до чего все понятней и проще, когда этот тип не сшивается поблизости. И самое скверное, что она ко всему этому безобразию успела привыкнуть.

Ки выбралась из кабинки наружу и плотно задвинула за собой скользящую дверь. Усевшись на сиденье, она взяла в руки вожжи и пинком ноги сняла фургон с тормоза. Тряхнула вожжами – и кони тронулись с места. Сгущались сумерки, принося с собой некое подобие прохлады. Луна все ярче разгоралась в небесах, когда Ки миновала городские ворота и стражников, проявивших поразительное безразличие к ее грузу. Сегодня ночью она наконец-то будет спать на зеленой траве подле фургона, а кони смогут как следует попастись на свободе. За то время, что она провела в Дайяле, ей успели до смерти надоеть ночевки в тесной духоте кабинки, под тяжкие вздохи переминающихся снаружи коней. То ли дело опять катить вдаль по дороге!

3

Торг в Горькухах мало чем отличался от дайяльского. Кажется, единственная разница заключалась в неистребимом запахе рыбы. Вандиену трудно было поверить, что рыба, выловленная в Обманной Гавани, после двухдневного путешествия на возах еще годна в пищу, – однако народ ее так и расхватывал. Да еще и улыбался торговцу, который заворачивал осклизлые вонючие тушки в мешковину и передавал покупателям. Из чистого любопытства Вандиен просунулся вперед какого-то покупателя и ткнул жестким пальцем серебристую рыбину. На тушке осталось ясно видимое углубление. Вандиен натянуто улыбнулся торговцу и выбрался из толчеи у прилавка, вытирая палец о штаны.

Запах свежей выпечки, внезапно достигший его ноздрей, перебил рыбную вонь. Сглотнув, Вандиен начал протискиваться к лотку, с которого какой-то ко всему безразличный дин торговал хлебом и пирожками. Пышные поджаристые ковриги соседствовали с глянцевито поблескивавшими зеленоватыми плюшками, которые особенно нравились т'черья. Рука Вандиена сама собой потянулась к плоскому кошелю на ремне. Там лежали две мелкие монетки и несколько небольших самоцветов. Сюда, в Горькухи, Вандиен добрался на телеге какого-то кожеяки; кожевник не только вез его и кормил, но и деньги заплатил за то, что Вандиен помогал ему разгружать привезенные кожи. Плата была не ахти какая, но ведь и Вандиен, в общем, не перетруился. Он серьезно подозревал, что заплатили ему не столько за работу, сколько за неистощимые рассказы, которыми он с помощью своего шнурка помогал коротать поездку.

Все-таки он решительно миновал лоток булочника. Ему хотелось есть, но с этим можно было и обождать. Сперва – дело. Вандиен миновал ряды, где торговали курами, поросятами и верещащими глибами, миновал т'черийские лавочки, украшенные кисточками и флажками всех оттенков блестяще-зеленого цвета. Чуть в сторонке грозно насуспенный брориан распрягался палаткой, где подавали «горячее мясо». Подавалось и поедалось это самое мясо в особой пристройке. Внезапно оборванный предсмертный визг глиба, донесшийся из пристройки, поведал Вандиену, что там как раз кто-то обедал. «Горячим мясом» брорианы называли плоть только что убитого животного, еще не растратившую жизненный жар.

Достигнув лавочек ремесленников, Вандиен невольно замедлил шаги. Чего только здесь не было! Бусы и дорожные сапоги, латы, оружие и приворотные снадобья – все лежало одно подле другого и все притягивало взгляд. Спустя некоторое время т'черийский купец, хозяин лавочки, вежливо поинтересовался, не может ли он быть чем-то полезен уважаемому человеку, столь долго рассматривающему его товары. Вандиен с улыбкой указал ему на бледно-желтый кристалл.

– Две штуки, – прошепелявил купец на Общем. Вандиен выразительно похлопал свой кошелек и отрицательно покачал головой. И отошел прочь, не переставая, однако, улыбаться. Новая идея осенила его; он зашагал в возчицкий угол площади, более не оглядываясь по сторонам.

Здесь поджидали возможного нанимателя всего три упряжки. Покрытый шрамами брориан держал под уздцы двух чудовищного роста коней. Беспокойно переступавшие копыта были окрашены алым. Упряжь сплошь покрывали тяжелые шипы и нашлапки. Гривы подстрижены ежиком, хвосты коротко обрезаны... Эти кони были предназначены не для крестьянской сохи, а для охотничьей колесницы, несущейся сквозь заросшие кустарником заливные луга. Им не нужен даже возница – они приучены сами следовать, не отставая, за гончими псами. Вандиен обошел их стороной, опасаясь страшных копыт: помимо прочего, эти кони умели добывать опасных зверей, помогая охотнику.

Неподалеку сидел и подремывал в тенике человек – владелец здорового коня, привычного к плугу. На этого коня Вандиен посмотрел всего один раз и потерял к нему всякий

интерес. Поседелая морда и поредевший хвост без слов говорили о том, что конь стар. Шерсть его давно утратила блеск, а одна нога распухла возле копыта...

Следующими были два мула в упряжи. Возле них стоял молодой человек, почти мальчишка. Он смазал маслом копыта мулов и заплел им гривы, точно на праздник. Глуповатые животные потряхивали головами, с любопытством настораживая длинные уши на каждый выкрик, доносившийся с площади. Вандиен с сожалением посмотрел в старательно умытую мордочку мальчишки, с надеждой взиравшего на него снизу вверх.

– Прости, малыш, – сказал он. – Они просто недостаточно велики для того, что мне нужно сделать.

– Да они ради меня из шкур вылезут! – настаивал мальчик, умоляюще глядя на Вандиена.

– Не сомневаюсь, – с самым серьезным видом ответил Вандиен. – В другой раз, договорились? Отличная у тебя упряжка, честное слово.

Вот уж не везет так не везет. Возчиков, ищущих нанимателя, на площади больше не было. Вандиен прошел чуть подальше, обдумывая, в каком положении оказался. Ему непременно надо было раздобыть здесь упряжку, да еще и привести ее в Обманную Гавань, а там выдать за свою собственную, лично выращенную и выученную. От того, какое впечатление он там произведет, зависело очень многое. В Обманной Гавани ждут умелого и настырного возчика. Они не потерпят, если он поведет себя как шут, явившийся попользоваться дармовым гостеприимством и посмеяться над их обычаями. То есть, как и говорила Ки, дело ему предстояло практически невозможное. Стоит ему дать им повод усомниться в себе – и он проиграет уже наверняка.

Проигрывать Вандиен ни под каким видом не собирался.

Эге!.. Оказывается, на площади была-таки еще одна упряжка, которую он поначалу не заметил, потому что животные лежали растянувшись на брюхе и зарывшись плоскими лапами в нагретую солнцем пыль. Хвосты их были туго свернуты на крупах, словно толстые серые змеи, приготовившиеся к броску. Маленькие глазки над поросычьими рыльцами были закрыты. От дыхания возле ноздрей поднимались фонтанчики пыли. Тварей в упряжке было четыре, все толстокожие, пестрые, в серо-черную крапинку. Тело у каждой было в длину примерно с лошадиное, но тем сходство и исчерпывалось.

– Кто ж вы такие? Свинки или ящерицы? – обратился к животным Вандиен. Они ему не ответили. Лапы у них были короткие, но толстые, налитые бугрящимися мышцами. От железного кольца, надетого на вколоченный в землю колышек, к сбруям, надетым на каждого зверя, веером расходились четыре ремня. Вандиен огляделся, разыскивая взглядом владельца, и обнаружил его рядом с упряжкой.

Это был т'черья, и по примеру своих упряжных тварей он лежал на земле. Суставчатые конечности почти полностью втянулись под панцирь. Какая-то проехавшая мимо повозка погребла т'черья под толстым слоем пыли, и, если бы не сонно никнувшие глаза на стебельках, возчик вполне сошел бы за камень. Вандиен прокашлялся, и стебельки зашевелились. Упряжка была не вполне похожа на то, что он подыскивал, зато хозяин – как раз таков, какого он мечтал встретить.

Некоторое время т'черья молча осматривал Вандиена темно-красными глазами на ножках. Потом, в знак уважения к человеческим обычаям, приподнялся на суставчатых ногах так, что его лицо – или то, что у т'черья могло сойти за таковое – оказалось вровень с лицом Вандиена. Глазные же стебельки, наоборот, опустились почти на уровень жвал. Вандиен торжественно поклонился: манеры т'черья произвели на него впечатление. Он не знал ни одной другой расы, способной на подобную предупредительность. Т'черья отчаянно торговались и в деловом отношении были нестигаемы, как брорианы, но жесткость эту прикрывал бархат вежливости.

– Я хочу нанять упряжку для перевозки тяжелого груза, – сказал Вандиен.

– Значит, моя упряжка – это именно то, что тебе требуется, – отвечал т'черья. – Вы, люди, редко используете скилий. Ты, верно, тоже привык к этим вашим длинноногим коням и, без сомнения, считаешь моих зверей безобразными...

Шепелявый т'черья помедлил, давая Вандиену время возразить. Вандиен знал: многие люди отказывались иметь дело с т'черья, утверждая, будто их речь на Общем невозможно понять из-за чудовищного акцента. Вандиен, однако, давно наловчился разбирать их своеобразный говор и не испытывал никаких затруднений. И он ответил учтивостью на учтивость:

– Я не одобрил бы того, кто станет судить упряжное животное по его внешности. Если ты говоришь, что они здорово тянут, у меня нет причин не верить тебе, хотя бы, на мой взгляд, они и выглядели странновато. Позволь спросить тебя, как ими правят: так же, как лошадьми, или требуется какое-то особенное искусство?

– Особое искусство, чтобы управлять скильями?.. Ты оказываешь слишком большую честь бедному земледельцу вроде меня. Нет, скильи – это кроткие и безропотные звери, с которыми играючи справится и только что вылупившийся младенец. Когда же ими правит возчик столь опытный, как, например, я, для нас поистине нет ничего невозможного. Наше упорство и сила способны передвинуть тягчайший из грузов. Вероятно, тебе требуется очистить поле от валунов? Или, может быть, притащить с холмов поваленный лес? Мои скильи справятся. Самый скупой работодатель не прогадает, наняв таких, как мы с ними. Они кормились три дня назад и не проголодаются ранее, чем еще через два срока...

Вандиен быстро подсчитал в уме: вот это да, оказывается, скилий кормили один раз в девятнадцать дней. Свойство, весьма ему подходившее в его нынешнем положении. Очень, очень осторожно приступил он к деликатной части переговоров:

– Без сомнения, именно твоя сноровка и опыт сделали эту упряжку лучшей из лучших. Но в деле, которое мне предстоит, вожжи держать должен буду я, и я должен знать, послушаются ли они чужака? Я хотел бы, чтобы на десять дней ты поручил их моему присмотру и заботе. Устроит ли тебя подобная сделка?

Глазные стебельки т'черья закачались из стороны в сторону. Таким образом это племя подражало человеческому жесту, означавшему «нет».

– Увы, – сказал т'черья, – я вынужден тебе отказать. Моя упряжка для меня дороже детей. И единственное средство добыть себе пропитание – особенно при нынешней засухе, вызванной немилостью Заклинательниц Ветров. Твое лицо говорит об искренности, чужестранец, а панцирь – о благородстве, но доверить упряжку незнакомцу я не могу. Хотя и буду счастлив сопровождать тебя в любом предприятии, которое ты задумал. И ты, я уверен, возрадуешься, видя, как легко справятся с самой тяжелой работой мои скильи, направляемые столь умелой рукой, как моя. Любая зверь работает лучше, если знает хозяина и доверяет ему. Может быть, на том и договоримся?..

Вандиен глубоко и шумно вздохнул. Поднял руки до уровня плеч, а потом уронил их, в свою очередь подражая тому, как никнут глазные стебельки у опечаленных т'черья.

– Увы, я должен с уважением отнестись к твоим опасениям. Я глубоко чту тех, кто понимает, сколь высокую ответственность накладывает звание хозяина. Всяческой похвалы достоин возчик, проявляющий заботу о своих упряжных животных. Более того, я уверен, что твою решимость не способна поколебать никакая сумма денег. О да, ни за какие деньги не поручишь ты благородных скилий первому встречному...

– Моя честь не продается ни за какие деньги, – подтвердил т'черья. И он, и Вандиен понимали, что фигуры для совершения сделки расставлены, пора приступать к делу. Т'черья ждал...

– Со своей стороны, – сказал Вандиен, – я никогда не стал бы оскорблять твои чувства, предлагая тебе презренные монеты. В самом деле, что ты обо мне знаешь? Кто я такой, чтобы рассчитывать на твое доверие, а с ним и на ту услугу, которая мне от тебя требуется? Об этом

и еще о многом я себя спрашивал, пока мы стояли здесь, среди многошумной суеты торжища, пытаюсь разговаривать и торговаться, как положено цивилизованным существам... насколько это возможно посреди сутолоки и звуков праздной болтовни. Что могу я о себе рассказать, как могу завоевать твое уважение, когда вокруг блеют и ревут животные, поднимая пыль, садящуюся на наши лица, а прохожие, понятия не имея о вежливости и манерах, проходят столь непочтительно близко от нас, что обдают нас запахами своих тел... Как могу я доказать тебе, что и мы, люди, существа, не наделенные высшей чувствительностью – наследным достоянием т'черья, – уж не вовсе подобны бесчувственным камням?

Медленно и со вкусом перечисляя неудобства, которые, как он знал, доставали т'черья гораздо крепче, нежели его самого, Вандиен прямо-таки видел, как под впечатлением его слов тот понемногу прятался обратно в панцирь. Т'черья предпочитали прохладу, приглушенный свет и негромкие звуки. Т'черья, добывающий себе пропитание в городе, населенном по преимуществу людьми и брорианами, обрекал себя на колоссальные трудности.

– Ни за какие деньги?.. – прошепелявил т'черья. У этого племени не было голосовых связок: они не выговаривали, а скорее выдыхали слова. Вандиен, однако, отлично разобрал сказанное и понял, что удобный момент наступил.

Его короткую куртку перетягивал коричневый матерчатый пояс, на котором висел кошелек. Рука Вандиена поползла к поясу, но кошелек миновала. То, что он собирался достать, ни в коем случае не следовало таскать среди монет. Он осторожно развернул складки пояса, и в ладонь ему выскользнул некий предмет, завернутый в мягкую серую тряпочку. Т'черья пристально следил за каждым его движением. Поначалу он даже выпустил было глазные стебельки, дабы ничего не упустить из виду, но потом вспомнил о принятом среди людей и торопливо втянул их. Вандиен, впрочем, заметил его интерес и приложил все усилия, чтобы разжечь его как только возможно.

Он неторопливо поправил пояс, в котором хранил хрупкое сокровище, потом, опять-таки без лишней спешки, одернул куртку и по очереди обтер каждую ладонь о штаны. И только тогда начал медленно, медленно разворачивать тонкий, мягкий серый клочок, действуя двумя руками, словно бы из страха, что лежавшее внутри может выпасть и затеряться. И вот, наконец, его ловкие пальцы отвернули последний слой ткани. Т'черья неожиданно застрекотал своими мандибулами. Какое-то время ни тот ни другой не произносили ни слова.

На ладони Вандиена лежал оранжевый кристалл, длиной и толщиной примерно с его безымянный палец. С бесконечными предосторожностями Вандиен повернул его к свету, словно кристалл мог рассыпаться от малейшего прикосновения. Солнечные лучи заиграли на множестве граней: то, что казалось единым целым, было в действительности разросшейся друзой.

Движением опытного актера Вандиен поднес кристалл к своему носу и почтительно понюхал. Его обоняние не могло уловить почти никакого запаха. Т'черья взирал на него с молчаливым отчаянием, выдавая владевшее им возбуждение лишь чуть заметным подрагиванием клешней-пальцев передних лап. Торг кругом них продолжал шуметь, но Вандиен знал, что т'черья ничего более не слышит и не замечает.

– Да, – сказал, вернее, прошептал он наконец. – Ни за какие деньги...

– Что ты предлагаешь? – прошипел т'черья. И нерешительно добавил: – Это очень маленький кристалл...

Сбить Вандиена с толку подобным замечанием было невозможно.

– Верно, – сказал он. – Ты прав. Обрати внимание на его роскошный, глубокий цвет. Такой кристалл составит гордость и сокровище богатейшей из королев. Он достаточно мал, чтобы носить его все время с собой и иметь возможность насладиться им всякий раз, когда сутолока заполненного работой дня станет грозить внутреннему покою, столь ценному для всякого цивилизованного существа. О, я бывал в жилых пещерах состоятельных т'черья и видел

гирлянды кристаллов, украшавшие стены их жилищ и решетки для приготовления пищи... но почти не встречал таких, которые могли бы сравниться с этим кристаллом по цвету и запаху. Сколь долго утешал он меня в пути! Любуясь, как дробится в нем свет, вдыхая его аромат, навевающий сонный покой, пережил я многие горести и неудачи. И мне кажется, этот кристалл сможет убедить тебя в том, что я – существо, как и ты сам, цивилизованное. Я достоин доверия, хотя бы я и пришел нанимать твою упряжку и даже намереваюсь на некоторое время забрать ее у тебя, и к тому же, обитая, как и все мы, среди корыстолюбцев, поневоле вынужден предлагать тебе за это презренные деньги...

Карие глаза Вандиена прямо смотрели в т'черийские глаза на ножках, излучая самую убедительную искренность. Пальцы его между тем помаленьку заворачивали кристалл обратно в тряпочку, словно бы для того, чтобы спрятать на место. Т'черья выдал себя, затрепетав одним из своих глазных стебельков. Он не отрывал взора от кристалла, уже исчезавшего в складках ткани. Его мандибулы снова застрекотали. Спohватившись, он перешел на Общий:

– Твое доказательство впечатлило меня, человек. Никогда прежде не видел я, чтобы твой соплеменник носил с собой сонный кристалл, – разве что на продажу. Меня зовут... – тут он что-то прострекотал, – по-вашему – Паутинный Панцирь, из-за узора на моей броне...

– А я – Вандиен, – прозвучало в ответ. Они торжественно поклонились друг другу; можно было приступить к серьезной, деловой части беседы. Все, что говорилось до этого, было всего лишь прелюдией, расстановкой сил и разведкой. – Итак, Паутинный Панцирь, – продолжал Вандиен, – сегодня ты обнаружил, что не все люди – варвары и дикари. Кое-кто из нас дорожит своим покоем не меньше, чем вы...

– Что же это за дело, для которого тебе понадобились мои скильи? – спросил т'черья.

– Да есть кое-какая работенка в Обманной Гавани.

– Обманная Гавань?.. Ее жители грубы и шумливы, и ничего хорошего там, говорят, нет. Т'черья там совсем не живут, а обитатели из числа людей – сплошь злодеи. Могу ли я быть уверен, что моей бесценной упряжке там ничто не грозит? Как я удостоверюсь, что их там не украдут, не отравят или не покалечат ради забавы?..

Вандиен медленно поводил рукой с кристаллом перед своим лицом – человеческий эквивалент т'черийского жеста, изображавшего крайнее расстройство.

– Да оградит нас Луна от подобного непотребства!.. – Рука Вандиена медленно поползла к поясному кошелью. Т'черья по-прежнему не отрывал глаз от его ладони, в которой лежал кристалл. Вандиен похлопал по кошелью так, что две мелкие монетки звякнули одна о другую. – Задал ты мне, друг мой, задачу, – сказал он т'черья. – Если я тебя правильно понял, ты готов предоставить мне свою упряжку, если я сумею уверить тебя в ее безопасности. Или, может быть, скудость Общего языка некоторым образом извратила мысли, которые ты облакал в слова?

– Предположим, ты понял меня верно, – уклончиво ответил т'черья. – И если бы я в самом деле собрался предоставить тебе на некоторый срок этих несравненных скилий... скорее, друзей, нежели рабочих животных... что послужило бы залогом их безопасности на то время, что они пробудут с тобой?

Вандиен снова звякнул содержимым тощего кошелька:

– И правда, что?.. Когда я вернусь, твои тревоги будут оплачены деньгами, но сейчас речь не о них. Какой-нибудь грубый невежда начал бы предлагать тебе деньги прямо сейчас, не понимая, что звон монет отнюдь не всегда равноценен добрым намерениям. Я же полагаю, что наша с тобой сделка заслуживает чего-то особенного, личного. Можно даже назвать это заложничеством... – Вандиен помедлил, возведя глаза к небу. Постояв так и помолчав некоторое время, он якобы с неохотой засунул кристалл в складки своего пояса. Мандибулы т'черья еле слышно застрекотали, но Вандиен притворился, будто не слышал. Крепко сжав губы и придав своему лицу отрешенное выражение, он принялся стаскивать с левой руки перстенек.

Перстенок медленно сдвинулся, открыв полоску незагорелой кожи. С тяжелым вздохом Вандиен протянул его т'черья.

Глазные стебельки ненадолго склонились над перстнем. Тот ничего особенного собой не представлял: квадратная вставочка из черного камня не сверкала, лишь тускло поблескивала гранями, металл же был простым серебром. Вандиен взвесил его на ладони:

– Вот, возьми... Давно, очень давно не снимал я его со своей левой руки. Но если тебе нужно свидетельство моего благородства – вот, прими... Он перешел ко мне от бабушки отца моей матери... – Он вновь помолчал и вздохнул поглубже, словно бы для того, чтобы очистить голос от горестной хрипотцы: – Немногое, увы, слишком немногое напоминает теперь о тех высотах знатности и богатства, с которых выпало низвергнуться моему роду... Лишь этот перстень я сохранил как символ славного прошлого, которое я намерен, не жалея сил, возродить к жизни. Ничто и ни при каких обстоятельствах не заставит меня расстаться навсегда с этим перстнем! Нет, никогда!.. Либо я верну тебе твоих скилий в целости и добром здравии, либо погибну...

Его ладонь сжалась в кулак, судорожно стискивая перстень. Жилы и мускулы вздулись, обрисовавшись под кожей. Он сморгнул, якобы пряча непрошеную скупую слезу. И с угрюмой решимостью протянул перстень Паутинному Панцирю на ладони. Было видно, как дрожала его рука.

– Верни свой перстень на его законное место, – проговорил т'черья. – Мой народ не носит на панцирях металлических украшений, но мы знаем, сколь высоко цените их вы, люди. Я не могу заставить тебя расстаться с предметом, столь для тебя драгоценным, ради простой сделки, заключаемой на торжище, где властвует корысть...

Вандиен не спешил убирать протянутую руку:

– И все-таки я непременно должен нанять твою упряжку. Я убежден, что они, и только они способны выполнить задуманную мною работу. Прошу тебя! Длющийся разговор лишь усиливает мое беспокойство и муку...

Т'черья громко застучал жвалами. Вандиен стиснул челюсти и отвел глаза. Он намеренно употребил выражение «беспокойство и мука», отлично зная, что именно этими словами обычно переводили т'черийское выражение, означавшее высшую степень умственного и эмоционального напряжения, могущую повлечь за собой серьезную телесную болезнь.

– Нет! – вскричал т'черья, и Вандиен ощутил на руке прикосновение его клешни. – Скорее спрячь сокровище своего рода, о человек! Мне достаточно и твоей готовности с ним разлучиться. Я не в силах требовать от тебя таких жертв, скорее уж я соглашусь на время расстаться со своими скильями. Зрелище твоей честности и нравственной чистоты покорило меня. Я не стану спрашивать у тебя задатка...

Вандиен смотрел на т'черья, торопливо надевая перстень обратно на палец. Потом переменял позу: руки, скрещенные на груди, до некоторой степени уподобили его т'черья, изображающего смирение.

– У меня нет слов, государь мой, – сказал он. – Я не осмеливаюсь воспользоваться подобным великодушием. Похоже, тем, кто имеет с тобой дело, приходится ограждать тебя от последствий твоей же учтивости! Увы, я мало что могу тебе предложить, но потребуй же у меня в залог хоть что-нибудь! Хоть что-нибудь! Любую вещь, какую изберешь...

– Любую? – словно бы в замешательстве переспросил т'черья.

Вандиен только рад был сунуть голову в петлю.

– Любую! Я доверю тебе в залог все, что только ты пожелаешь...

– Осмелюсь ли выговорить...

– Прошу тебя, назови!

– Твой кристалл, человек. Доверь его мне, как я доверяю тебе свою упряжку.

На лице Вандиена отразились ужас и осознание непоправимости содеянного. Его плечи поникли, руки безвольно опустились.

– Я предложил тебе выбирать... – проговорил он так тихо, что т'черья был вынужден наклониться вперед, чтобы расслышать. Вандиен покачал головой, негромко посмеиваясь над собственным скудоумием: – Я совсем забыл поговорку, гласящую: «С вежливостью т'черья можно сравнить только их хитрость». Что ж, я велел тебе выбирать, и ты выбрал. Откуда же мне было знать, что ты потребуешь именно такого залога!.. Мой душевный покой, моя защита от суеты и безумия этого мира... И все-таки... – Вандиен сунул руку в складки матерчатого пояса и извлек серую тряпочку с завернутым в нее кристаллом, – мое слово свято.

Он протянул кристалл т'черья, и тот немедленно сомкнул на нем свои клешни. Паутинный Панцирь принялся разворачивать тряпочку, да так быстро и ловко, что Вандиену только и осталось, что удивляться про себя. Вот подрагивающие от нетерпения жвалы охватили кристалл. Выдвинулись нежные реснички и начали гладить блестящие грани, оценивая их качество. Глазные стебельки т'черья начали медленно никнуть. Это был отличный кристалл. Странствующий торговец, встреченный около Келсо, отдал его Вандиену за три меры соли, благо т'черья в Келсо не жили, а кроме них, сонные кристаллы ни для кого ценности не представляли. Другое дело, ни один т'черья никогда не поверил бы, что разумное существо может как-то без них обходиться.

Не теряя времени, Вандиен принялся расспрашивать, каких команд слушаются скильи. Потом договорился, когда и куда он должен их вернуть. Т'черья отвечал ему все более сонно. Когда Вандиен поднял гибкое стрекало и повел зверей прочь, т'черья уже легонько покачивался в такт неслышимой музыке видений, в которые погрузился. Реснички, дрожа, прикасались к кристаллу, зажатому в жвалах...

Проходя мимо лотка пирожника, Вандиен употребил один из своих медяков, приобретя большую темную ковригу. Вообще-то он предпочел бы зеленоватую т'черийскую плюшку, но знал, что зернового хлеба ему хватит дольше. Широкие плоские лапы упряжных скилий вздымали невероятные тучи уличной пыли. Вандиен предпринял несколько попыток побудить их пойти хотя бы трусцой, но потерпел неудачу и был вынужден смириться с неспешным прогулочным шагом. Оставив бесплодную борьбу со скильями, он обратился мыслью к Обманной Гавани и к тому, что его там ожидало. Даже таким ходом они туда уж за четыре-то дня доберутся. Хватит времени и оглядеться вокруг, и сундук выудить попытаться...

А что если он вдруг выиграет? От ужаса и восторга перехватило дыхание. Рассердившись на себя самого, Вандиен раздраженно поскреб шрам на лице. Шрам был жестким на ощупь и мало что чувствовал. И что за бредовая идея – избавиться от него?.. Может, он сделал глупость, поверив обещанию Зролан?.. Да, да, именно так! – подсказывал страх. Вот потому-то ты и не сказал Ки, что тебе посулили помимо денег. Ты сам постыдился сознаться, какую надежду в тебе пробудили... Вандиен содрогнулся, представив себе, как приняла бы эту новость Ки... спасая которую он и заработал этот рубец. Вандиен погрузился в мрачные размышления, шагая следом за неспешно бредущими скильями.

И все же... все же не таков был Вандиен, чтобы надежда, пусть несбыточная и отчаянная, надолго уступила место сомнениям. Только вообразить, как он вдруг предстанет перед Ки с чистым, гладким лицом, как она изумится и обрадуется! Он был совершенно уверен: если бы он упомянул ей об этом, она обязательно отправилась бы с ним в Обманную Гавань. Бросила бы все дела, чтобы помочь ему вытащить на свет сундук с реликвией Заклинательниц. Вот потому-то, с непостижимой логикой сказал себе Вандиен, я от нее и скрыл. Еще не хватало, переламявать ее волю с помощью столь низких уловок. Нет, он не потерпел бы, чтобы она жалела его или чувствовала себя виноватой. То, что существовало между ними, могло существовать лишь на свободе. Вот если Ки придет сама, по своей доброй воле, – он встретит ее с

радостью. В одиночку справиться с успехом не легче, чем с поражением. Всегда хорошо, если друг рядом!

4

Косые лучи неяркогo осеннего солнца золотили проселок.

– Это у них называется дорогой!.. – фыркнула Ки себе под нос, разглядывая две неглубокие колеи, тянувшиеся вдаль через лес. Между колеями успели вырасти кустики, царапавшие днище фургона. Вдоль так называемой дороги росли белоствольные березы, медленно ронявшие наземь желтые листья. Березы перемежались тополями и кучками ив. Попадавшие изредка деревья-арфы молча и неподвижно стояли в послеполуденном тепле безветренного осеннего дня. Расслабленно откинувшись к дверце кабинки, Ки вдыхала запахи леса. Пахло мхом и палой листвой. Ки чувствовала себя богатой и к тому же никуда не спешила.

И все же, когда она поглядывала на неспешно шагавших тяжеловозов, совесть чуть-чуть ее беспокоила. И доставка груза к сроку была здесь ни при чем. Даже если нынче она пораньше остановится на ночевку, завтра ей с запасом хватит времени на все дела.

Вандиен. Он ни на чем не настаивал, но она знала, как он обрадуется, если она поспеет к нему в Обманную Гавань. Что ж, она с радостью приехала бы его выручать, приехала бы со всей возможной быстротой... если бы предприятие, в которое его угораздило ввязаться, не было таким беспросветно дурацким. Ки прикусила губу, глядя, как размеренно перекачиваются мышцы на двух необъятных серых спинах, двигавшихся перед ней. Ум ее между тем озабоченно подсчитывал дни: вот уже шесть суток, как Вандиен отбыл в Обманную Гавань. Наверное, он уже там, если только удача не изменила ему окончательно. Что до самой Ки, то даже черепашим шагом она всяко поспевала в Горькухи к вечеру следующего дня, как раз четвертого в ее путешествии.

Была, впрочем, и другая возможность. Немножко пошевелить коней и прикатить в Горькухи еще до полуночи. Благо, Горькухи не какая-нибудь крепость со стеной и воротами, а разросшееся земледельческое поселение. Ни тебе ворот, ни стражи при них, останавливать некому. Да, она вполне могла именно так и сделать. А потом рвануть в Обманную Гавань. Полтора дня – и она там. Успеет к его сроку, да еще и время останется. Другое дело, на кой хрен все это ей нужно?.. Сам влип в историю, сам пускай и выпутывается. Чего это ради она сидит тут и взвешивает всякие возможности, словно кто ее обязал его выручать?.. На кого, интересно, он рассчитывал все эти годы, пока с нею не познакомился? Только на себя самого. Вот и пускай сам разбирается. Небось не будет в следующий раз так вольничать с ее упряжкой и фургоном. Попотеет немножко, только на пользу пойдет...

Озабоченное выражение на лице Ки сменила кривая усмешка. Да, пускай попытит. Она подъедет туда к нему денек этак на одиннадцатый, когда он ей на шею готов будет прыгнуть. Такому, как он, задиристому петушку не помешает разок вымочить перышки.

Ки потянула носом, принюхиваясь. Потом поднялась на сиденье во весь рост. Стройное, худенькое тело покачивалось в такт движениям фургона, переваливавшегося на ухабах: Ки потягивалась, разминая онемевшие от долгого сиденья мышцы. Зеленые глаза щурились, пытаясь рассмотреть сквозь чашу, что там, впереди. Дорога состояла из сплошных поворотов, не больно присмотришься. Река еще не показалась, но Ки чувствовала ее близость по влажному запаху в воздухе. И еще по тому, как оживились и насторожили уши серые кони. Ки привычно посмотрела на солнце, потом безразлично пожала плечами. Решено: она выедет к реке и там заночует. Горькухи никуда от нее не убегут. Она остановится пораньше и пустит лошадей попасись, а сама как следует вымоется. И Ки вновь устроилась на сиденье, подумав о том, как славнo будет опять ощутить себя чистой.

По мере приближения к реке деревья стали редеть, уступая место широкому заливному лугу, окаймленному кустарником. Сухие сучья и мусор, запутавшийся в траве, указывали границы весенних разливов реки. Осень раскрасила луговую траву во все оттенки желтых и бурых

цветов. Ки свернула с проселка и поехала вдоль реки; Высокие колеса хрустели подсохшими стоячими стеблями. Тяжеловозы мотали огромными головами: тянуть стало труднее, и им это не нравилось. Ки, однако, не давала им поблажки, пока не обнаружила то, что искала: уютную, огражденную кустами полянку прямо на берегу. Здесь были и трава для коней, и обширная мелководная заводь, в которой можно выкупаться.

Послеполуденное солнце еще пригревало косыми лучами, когда она кончила распрягать серых и пустила пастись. Степенный, уравновешенный Сигмунд принялся щипать и пережевывать жесткую пищу, Сигурд же для начала опрокинулся на спину и начал валяться, блаженно почесываясь о колючие кочки. Ки невольно улыбнулась. Ей не приходилось бояться, что серые куда-нибудь денутся. Они не ведают другого дома, кроме своего фургона, и даже без привязи далеко не уйдут.

Устройство стоянки не отняло много времени. Для начала Ки проверила груз, подергав крепежные веревки: не ослабли ли они и не перетерлись ли после целого дня тряски? Нет, все было в порядке. Остаток дня и весь вечер принадлежали ей безраздельно.

Вновь забравшись на фургонное сиденье, Ки отодвинула в сторону дверцу кабинки. Глаза не сразу привыкли к относительным потемкам там, внутри. Маленькое окошко была забрано ставнями, так что внутрь проникали лишь слабенькие лучики света. Ки отвернула четыре задвижки, запиравшие ставню, и откинула деревянную створку. В открытый проем сейчас же ворвался речной ветерок. Зима была не за горами; Ки подумала о том, что надо будет купить кусочек промасленной кожи и затянуть им окно. Такая кожа худо-бедно пропускает свет, а от сквозняков все-таки защищает. Можно было бы вставить и стекло, но стекло стоило слишком дорого и к тому же могло не выдержать напряжения, ведь во время движения каждая доска и планка фургона ходила ходуном... Ладно, сказала себе Ки. Беспокоиться об этом будем потом.

Ки сняла с гвоздика чистую рубашку и кожаный пояс. Немного помедлила – и достала из ящичка флакон с душистым маслом. То, что она купила это масло, само по себе было глупостью, а уж раскупоривать его прямо здесь, где и нюхать-то было некому, кроме нее самой, – глупостью вдвойне. Ну и что. Мелкие глупости тоже надо было иногда совершать.

Выйдя на бережок, Ки сбросила с ног сапоги, стянула через голову блузу, потом расстегнула юбку, и широкая юбка свалилась к ногам. Ки перешагнула через ворох и положила сверху чистую рубашку и пузырек с маслом. Потом расплела две толстые косы – такова была ее дорожная прическа, иначе волосы мигом превратились бы в колтун, – и густая русая волна рассыпалась по спине и плечам. Пахли волосы пылью и потом.

С реки веяло прохладой, и тело покрылось гусиной кожей. Ки пробрала было дрожь, но она решительно укрепила свой дух и, разбежавшись по береговой гальке, плашмя бухнулась в воду. Холодная вода оглушила ее. Ки вынырнула, отплевываясь и отдуваясь. Хватая ртом воздух, она подцепила с близкого дна пригоршню черного песка и принялась драить им свою кожу. Очень скоро все ее тело порозовело и прямо-таки засветилось от холода и чистоты.

На всякий случай Ки нашла глазами пасшихся лошадей, потом зашла в реку поглубже. Тут она несколько раз погрузилась в воду с головой, так что с промокших волос побежали ручейки. Ки полоскала волосы, пока стекавшая с них вода не стала совсем чистой, без всякой там пыли и песка. Ки покончила с мытьем и принялась плескаться в воде просто для удовольствия, поднимая брызги, ныряя и наслаждаясь бесподобным ощущением воды, омывающей тело.

Нырнув последний раз, она направилась к берегу. И тут с безоблачного послеполуденного неба послышался удивительный звук. Он был ясен и чист, словно крик птицы, но некоторым образом чувствовалось, что птичье горло не в состоянии издать ничего подобного. Источник звука определить было невозможно; казалось, он исходил непосредственно из небесной синевы. Ки застыла на месте, напряженно вслушиваясь; речные волны плескались вокруг ее бедер. Она не делала никчемных попыток прикрыть свою наготу. Но как бы ей хотелось, чтобы

Вандиенова рапира оказалась здесь, рядом, на берегу... а не на своем обычном месте в фургоне. Неведомое лучше встречать во всеоружии...

Странный звук постепенно затих. Ки оставалось только надеяться, что это был-таки крик какой-нибудь особо голосистой речной птицы. Сколько она ни оглядывалась, ей так и не удалось разглядеть на берегу никакого движения. Замерли даже кони – головы подняты, ушки на макушке. Шевелилась только трава, которую ерошил неизвестно откуда взявшийся ветер. Ки опять взял озноб. Она поспешила к берегу...

Ветер между тем стремительно набирал силу, хлеща ее по лицу прядями мокрых волос. Ки выскочила наконец на сушу и обнаружила, что с трудом удерживает равновесие. Ветер обдавал мокрое тело ледяным холодом. Ки начала было вытираться пыльной юбкой, но ветер продолжал усиливаться. Она услышала испуганное ржание Сигурда и поспешно натянула чистую рубашку прямо на мокрые плечи.

Скрутив мокрые волосы, Ки попыталась их выжать, но ветер ударил ее с новой силой и к тому же осыпал с головы до ног листьями, сорванными с ветвей. Коченеющими пальцами Ки как раз застегивала пряжку ремня, когда налетел уже настоящий шквал и попросту сшиб ее с ног. Ки кое-как приподнялась, одной рукой убирая с глаз налипшие волосы. Второй рукой она сгребла сапоги и одежду, не забыв и скляночку с маслом. Прижав к себе вещи и низко пригибаясь под напором сумасшедшего ветра, она неуклюже побежала к фургону. Фургон покачивался, высокие желтые колеса ходили туда-сюда. Ки была уже совсем рядом, когда послышался хлопок оборванной веревки, и одна из коробок с грузом, сброшенная ветром, обрушилась вниз. От удара о землю грубо сколоченные планки лопнули, ящик рассыпался.

Волна неожиданной вони оглушила Ки, словно удар по голове. Она задохнулась и прижала ко рту и носу мокрую одежду, очумело озираясь в поисках источника смрада. Ничего! А запах, мерзкий запах протухшей, разложившейся крови, становился все гуще. Как и этот ветер, он шел ниоткуда. Предчувствие подняло дыбом все волоски на коже Ки, и без того пупырчатой от холода и испуга. Вонь забивала глотку, как кляп, Ки чувствовала, что вот-вот задохнется. Сигмунд заржал, Сигурд поднялся на дыбы, метя страшными передними копытами неизвестно во что. Ключья пены пятнали его серую шкуру. Вновь опустившись на все четыре ноги, он повернулся и кинулся наутек. Тяжеловесный скок сотрясал землю: Сигурд вломился в заросли и исчез в пригибаемом ветром лесу. Вместе с ним исчезла и вонь. Проклятье!..

Швырнув узел с одеждой внутрь фургона, Ки торопливо натянула на ноги сапоги и бросилась выручать груз. Свалившийся ящик оказался невелик. Ки подобрала его с земли. Сквозь трещины виднелась черная глазурь, усеянная мелкими самоцветами. Ки осторожно поставила коробку внутрь и закрыла деревянную дверцу.

Остальные веревки, похоже, не пострадали. Да и уцелевшие сундуки были потяжелее, не больно-то сбросишь. Ветер по-прежнему свистел в ушах и награждал Ки, лазившую по фургону, полновесными оплеухами. Небо, однако, оставалось таким же голубым и чистым, как прежде.

Ки некогда было предаваться размышлениям о странностях погоды. Она посвистела Сигмунду. Обычно кроткий и послушный, он так и плясал и дважды вывертывался из рук, прежде чем ей удалось твердо сгрести его за гриву и вскарабкаться на широченную спину. О, Луна, до чего же она не любила ездить на этих тварях верхом!.. Хотя как-то обхватить здоровенного тяжеловоза ногами было попросту невозможно. Никаких ног не хватало. Ки вцепилась обеими руками в густую гриву и заколотила пятками. Сигмунд тряхнул головой: носить на себе всадника ему нравилось не больше, чем Ки – этим всадником быть. Делать нечего, он смирился с судьбой и двинулся вперед. Ки сидела у него на хребте, вцепившись по-обезьяньи. Выследить Сигурда оказалось нетрудно. Его могучие копыта вывернули в стремительной скачке целые пласты лесной земли, а широкая грудь проложила в кустах настоящую дорогу. Дело стало за

малым: надо было не только его выследить, но и поймать. Ки знай подгоняла Сигмунда, низко пригибаясь к его шее, чтобы нависшие ветки не разодрали лицо.

Стояла уже глубокая ночь, когда измученная и ошипанная Ки вернулась по следу Сигурда в свой собственный лагерь. Перед этим беглый конь от души попетлял по лесу и дважды пересек реку. Все сходилось на том, что его что-то гоняло туда и сюда. Однако нигде не было никаких следов, кроме принадлежавших ему. Ки не могла уразуметь, что же происходило. Ясно было одно: за всем этим крылась какая-то тайна. Какая-то откровенно сволочная тайна, порядком испортившая ей жизнь.

Впрочем, сейчас ей некогда было предаваться раздумьям о природе странного происшествия. Она была сплошь исцарапана цепкими ветками и с головы до ног облеплена грязью: в довершение всех бед ее угораздило свалиться со спины Сигмунда в какое-то болотце. Сигмунд выглядел не многим лучше ее самой – такой же ободранный и грязный. Никто не ждал их у фургона с ужином и костром. День, начавшийся как праздник, кончился невезением, здорово смахивавшим на издевательство. Ки устало сползла со спины Сигмунда наземь.

Сигурд, свесив голову, стоял у передка фургона, словно ища утешения в близости знакомых предметов. Вся его шкура была заляпана успевшей высохнуть пеной. Когда Ки подошла поближе, он медленно изогнул шею и почесал голову о колено. Он выглядел сконфуженным, если вообще можно представить себе сконфуженного коня. Ки провела ладонью по его жесткой, мокрой, взъерошенной шерсти. Да, сегодня обоим коням требовалась хорошая чистка. Ки запустила пальцы в собственную спутанную гриву и подумала: и мне тоже.

По счастью, ветер, наконец, прекратился. Настала тихая осенняя ночь, выплыл месяц, правда, он не столько светил, сколько сбивал с толку. Сундук, в котором хранилось все необходимое для стоянки, угловатой тенью маячил в потемках. Ки подобралась к нему, едва таща ноги и мысленно распределяя: сперва – костер; потом вымыться; потом привести в порядок коней; потом – поест. И только тогда можно будет позволить себе задуматься о разбитой коробке и, соответственно, о нарушенной печати.

Знакомая защелка сундука привычно откинулась. Ки вытащила мешочек с кремнем и кресалом. Пучок сухой травы с готовностью разгорелся. Ки сунула его в кучку загодя собранных веток. Славный маленький огонек живо разогнал тьму, внушая надежду, что к завтраму все как-нибудь образуется. По крайней мере, можно было притвориться, будто веришь, что все наладится. Запалив костер, Ки встала, дотягиваясь – у нее болела каждая косточка, – и вернулась к фургону.

И тут же выругалась. Да так, что исторгаемые ею проклятия заставили Сигурда опасно прижать уши. Когда же запас ругательств иссяк, Ки сжала губы в одну прямую черту и, обойдя фургон, приблизилась к грузу, полностью сброшенному с платформы, переломанному и раскиданному по земле. Схватив из костра горящую головню, она нагнулась рассмотреть поподробнее. Так и есть. Из семи сундуков осталось четыре, да и те были раскрошены в щепы. Содержимое было вывернуто наружу. Земля и камни. Ничего себе фамильные древности. Еще два ящика были разбиты уже так, что сложить их вместе не представлялось возможным. Как и установить, что же в них находилось. И при этом чувствовалось, что потрошил сундуки огнюдь не ветер: расщепленное дерево сохранило следы какого-то острого орудия. Ки смотрела на раскуроченный груз, задыхаясь от бессильной ярости и отчаяния. Здесь ничего уже невозможно было спасти. Совсем ничего.

Семейные реликвии!.. Ки только фыркнула: для того чтобы ощутить удивление, тоже требовались силы, а их у нее не было совершенно. Четыре сундука земли и камней. Странно, с какой стороны ни погляди. Вдвойне странно, что кто-то не поленился наворожить ветер, чтобы раскидать подобную поклажу. Заклинание ветра считалось трудным и дорогостоящим делом. Кто-то не поскупился на затраты – почему?.. Ки осторожно попятилась прочь от развалившихся ящиков, стараясь как можно меньше топтать по земле. Чего доброго, утром, при

солнечном свете, удастся разглядеть какие-нибудь следы. Смирившись с неизбежным, Ки взялась чистить коней. А потом – к их изрядному неудовольствию – обеих привязала, используя уцелевшие веревки от груза. На тот случай, если опять налетит ветер и принесет с собой еще какой-нибудь смрад...

Скоро выяснилось, что с запахами было отнюдь не покончено. Когда она вскарабкалась наверх по колесу и отворила дверцу кабинки, в лицо ей хлынула удушающая волна аромата. Душистое масло!.. Ну конечно же, стеклянный пузырек, брошенный внутрь вместе с одеждой, неизбежно разбился. Вот это и называется – пришла беда, отворяй ворота. Ки набрала в грудь побольше воздуха и, стараясь не дышать, полезла в кабинку, чтобы снять с крючка последнюю оставшуюся рубашку.

Потом она, во второй раз за один вечер, отмывалась в реке и полоскала грязные волосы. Вода была темна и холодна до судорог. Колотясь всем телом и ругаясь сквозь зубы, Ки встала на колени на мелком месте и принялась отстирывать перепачканную одежду. Следовало свыкнуться с мыслью, что запах благовоний не выветрится из синей блузы и юбки до конца дней. Оттирая и полоща, Ки пыталась прикидывать варианты дальнейших действий. Вариантов не было. Ей оставалось только ехать в Горькухи. Ко всему прочему, выплачивать оговоренные шесть дрю из задатка ей было попросту нечем. То есть забавная сцена с владельцами груза ей была обеспечена. И откладывать эту сцену было бессмысленно.

Ступни у нее были сбиты и к тому же замерзли до потери чувствительности. Она вернулась к костру, ощущая, как жалуется каждая косточка, каждая жилка. Внутри фургона было по-прежнему не продохнуть. Ки вновь задержала дыхание и нырнула внутрь, чтобы добыть себе ужин: жесткий дорожный хлебец, колбаску и сухую заварку для чая. Собрав необходимое, она поспешно выскочила наружу. Выбравшись на сиденье, она откусила конец колбаски и задумчиво его прожевала. Она постояла так некоторое время, жуя и раздумывая. Потом вновь потянулась внутрь кабинки и – чего уж там! – выволокла последнюю коробку с грузом наружу.

Присев у костра и ожидая, пока закипит котелок, Ки откусывала попеременно то от хлеба, то от колбаски, рассматривая ящичек, стоявший в ногах. Камешки, вделанные в черную глазурь, заговорщицки подмигивали ей сквозь трещину в доске. Ки бросила в кипяток пригоршню заварки и отодвинула котелок от огня. Вытаскивая из сундука глиняную кружку, Ки чувствовала, что голова у нее идет кругом. Она уселась на сундук, налила себе чаю и осторожно отпила из кружки. Потом пожала плечами и вытащила нож. И весьма по-деловому принялась отдирать уцелевшие планки, высвобождая внутреннюю, покрытую черным лаком коробку. Завтра ей предстояло расплачиваться за несчастье, в котором она не была виновата. Терять ей было нечего, так почему бы, в самом деле, и не доставить себе маленькое удовольствие, удовлетворив свое любопытство и узнав хотя бы, из-за чего городился огород?..

И вот на землю упала последняя расщепленная планка желтого дерева, и на коленях у Ки осталась черная лакированная коробка. Повертев ее, Ки обнаружила одну грань, на которой отсутствовали украшения, и решила, что это, по всей вероятности, дно. Она поставила коробку дном вниз и задумалась, как же она открывается. Не было видно ни петель, ни чего-либо хоть отдаленно напоминающего замок. Может быть, ящичек отпирался потайной пружиной, спрятанной под одним из вделанных камешков? Ки осторожно ощупала их, выискивая, не пошевелится ли какой. Все было напрасно.

Ки поставила коробку рядом с собой на сундук и задумалась, неторопливо прихлебывая обжигающий чай. Разумно ли было вообще стараться заглянуть внутрь?.. Может, и нет, но тут уж на Ки накатил приступ упрямства. Она решила выяснить, что там, внутри, и она это выяснит. И наплевать. Ки снова взяла ящичек на колени и вынула нож...

Но тут в пальцах правой руки началось какое-то странное покалывание, и пальцы безвольно разжались, выпустив нож. Покалывание распространилось по всей руке до плеча, и рука плетью повисла вдоль тела. Ки обдало холодом, сердце екнуло. Яд, подумала она и сама удивив-

лась бесстрастной логике собственных рассуждений. Яд на одном из камней. Сейчас онемение охватит все тело и...

Против ее ожидания, пальцы вдруг ожили и задвигались, но задвигались сами, по своей собственной воле. Рука поднялась, ладонь легла на боковую стенку коробки. Один из пальцев коснулся красного камешка, но Ки не ощутила не то что нажатия – даже и прикосновения. Рядом с красным самоцветом неожиданно замерцал белый, и другой палец сейчас же накрыл его. За белым камешком последовал синий, и к нему потянулся большой палец. Со стороны казалось, будто камни притянули к себе кончики пальцев и накрепко к ним пристали. Потом рука сдвинулась в сторону, и вместе с ней отошла пятигранная крышка коробки. По-прежнему подчиняясь чужой воле, рука Ки аккуратно положила крышку на сундук и вернулась, чтобы освободить от льняного покрывала то, что покоилось на небольшом постаменте, который Ки первоначально и приняла за дно коробки. Сняв покрывало, рука Ки засунула его в опустевшую крышку. Потом снова легла ей на колени. На какое-то время вернулось покалывание, но вскорости прекратилось, и Ки обнаружила, что ее рука вновь полностью ей принадлежит. Ки ошарашенно уставилась на свои пальцы, сомкнула кулак и вновь разомкнула. Все в порядке.

Ки судорожно вздохнула, ей было жутко. Ночная тьма зловеще нависала над крохотным, слабеньким пламенем ее костерка. Она облизала пересохшие губы и только тогда решилась рассмотреть то, что хранилось в лакированной коробке. Это была голова статуи. Мужская голова. Ки осторожно опустила ее на крышку сундука и слегка наклонила, чтобы как следует рассмотреть при свете огня.

Голова покоилась на низенькой подставке из пористого черного камня с кроваво-красными прожилками, и Ки смутно подивилась тому, какой грубый булыжник пошел на подножие для шедевра. Ибо голова была настоящим шедевром, из тех, что хранят в золотых ларцах и водружают на хрустальные постаменты. Она казалась совершенно живой: неведомый мастер с удивительным искусством передал не только скульптурные формы, но даже и цвет.

Из какого камня, обладавшего фактурой живой человеческой кожи, была изваяна эта плоть? Какой художник покрыл его сероватым налетом, изображавшим, должно быть, смертную бледность?.. Прямые черные волосы были изображены прилизанными, но лишь для того, чтобы подчеркнуть аристократическую лепку черепа. Бледно-серые глаза под тонкими дугами черных бровей были слегка приоткрыты, словно бы в полусне. Нос был тонкий и прямой, а губы – полные, чувственные. Губы вдруг шевельнулись, раздвигаясь в улыбке, и Ки увидела мелкие ровные зубы.

– Что за бардак ты устроила, Ки, из самого простого дела! – заявила голова и повернулась туда-сюда на своей подставке, ни дать ни взять разминая сведенные от долгой неподвижности мышцы. – Я, в общем, ждал, что возникнут кое-какие трудности, но такое!.. Подобной катастрофы мне и в страшном сне... Э, погоди, куда ты?..

Когда прозвучали первые слова, Ки застыла в столбняке. Когда же выяснилось, что ей не примерещилось, – сползла с сундука и стала пятиться прочь, за пределы освещенного круга.

– Ты куда, Ки? – продолжала голова. – Неужели ты бросишь меня, своих коней и фургон и убежишь в лес? Ну убежишь, только отчет перед теми, кто снарядил тебя в эту поездку, держать все равно придется. Что же касается меня... Даже и в этом состоянии у меня еще есть кое-какие способности, но я все же чувствовал бы себя гораздо уютнее, будь при мне мое собственное тело. Руки и ноги, понимаешь? Заметим, те самые руки и ноги, которые ты столь безответственно потеряла...

Ки стояла у самого края освещенного круга, и волосы у нее слегка шевелились. И в то же время незатронутая ужасом часть сознания понимала: ей знакомо это лицо и этот голос, вот бы еще вспомнить, кому они принадлежали. И, ко всему прочему, голова говорила здравые и разумные вещи, от которых даже в столь удивительных и жутких обстоятельствах отмахнуться

было невозможно. А может, не «даже», а «в особенности»... Ки молча смотрела на незнакомца, не решаясь ни удрать, ни вернуться.

– Да ладно тебе бояться! – продолжала голова снисходительным тоном. – Имей, в конце концов, вежливость. Я был бы весьма благодарен тебе, если бы ты дала мне хлебнуть своего чаю. В моем нынешнем состоянии телесные потребности не столь велики, но горло пересохло – сил нет. Неужели я по твоей милости еще и просижу тут всю ночь один?..

Ки расправила плечи и вернулась к нему, всем своим видом изображая храбрую решимость, которой на самом деле не было и в помине. Взяла свою кружку... Когда она поднесла ее к губам головы, ее руки дрожали, но лишь чуть-чуть. Незнакомец отпил. Ки поставила кружку и ретировалась на другую сторону костра.

– Вот так-то лучше, – вздохнула голова, и Ки показалось, что серый оттенок начал покидать ее кожу. – Но я, кажется, тоже начинаю забывать, как надо себя вести. Я – Дреш, до недавнего времени – одно из влиятельных лиц Дайяла, а в будущем, надеюсь, – одно из влиятельных лиц Горькух. Это, впрочем, зависит от того, сколь успешно ты исполнишь обязательства, оговоренные подписанным тобою контрактом. Покамест ты, хм-хм... Надеюсь, это-то ты понимаешь?

– Покамест я понимаю, что мне всучили груз, который я нипочем не повезла бы, если бы знала заранее, что он в действительности собой представляет! – отрезала Ки. Подхлынувшая ярость смыла страх. – И рожу твою я, кстати, узнала! Это ты изображал пьяного медника и мучил народ в той дайяльской таверне, толкая дурацкую речь против Заклинательниц. Это ты подбивал земледельцев и ткачей к открытому неповиновению, призывал сжигать шерсть и зерно, только чтобы дань Заклинательницам не платить! А когда началась заварушка, ты сбежал и предоставил мне возмещать все убытки...

Пока Ки говорила, лицо Дреша начало неумолимо меняться. Его веки пьяно отяжелели, щеки обрюзгли и отвисли, мокрый рот приоткрылся... Еще мгновение, и пьяного медника как не бывало. Перед Ки снова было красивое, утонченное мужское лицо. И оно ей улыбалось. Будь оно при соответствующем теле, да в несколько иных обстоятельствах, и Ки, вполне возможно, улыбнулась бы в ответ. Но теперь его усмешка только обозлила ее.

– Кто-то хочет намять тебе холку, Дреш, – сказала она. – Ой как хочет! Так хочет, что расстегнулся и аж заплатил золотом за заклинание ветра. Это магия не из дешевых! Тот, кто охотится за тобой, видно, достаточно богат, чтобы удовлетворять любую свою прихоть. И мне почему-то кажется, что мое вмешательство его вряд ли обрадует. Ты же, Дреш, нанял меня в качестве возницы, а не телохранителя...

– «Обязуюсь предпринять все от меня зависящее, дабы груз прибыл к месту своего назначения в целостности и сохранности», – процитировал Дреш. – Сие было подписано, причем не просто твоим именем, но еще и знаком свободнорожденной, с пометкой об отсутствии вассальной зависимости. Так что твое собственное тщеславие, Ки, привязало тебя ко мне куда крепче, чем даже я сам мог бы подстроить. И, – тут Дреш поднял бровь, предупреждая новую вспышку со стороны Ки, – подумай вот еще о чем. Ты боишься, что навлекла на себя гнев некоторых богатых и влиятельных персон, которые, допустим, хотят до меня добраться. Так вот, это действительно так. Только Заклинательниц никто не нанимал, Ки. Они сами действуют против меня. И если ты меня здесь бросишь, любовью к тебе из-за этого они все равно не проникнутся. Ты прекрасно знаешь, что ромни их особым расположением не пользовались никогда. Уже то, что ты довезла меня сюда из Дайяла, они расценят как дерзкий акт прямого неповиновения и чуть ли не бунт. Так что вставай-ка лучше на мою сторону и помоги собрать мое тело воедино. По крайней мере хоть будешь под моим покровительством. И защитой, ибо я не так уж бессилен.

Ки зло смотрела на него сузившимися кошачьими глазами, взвешивая про себя возможности, о которых он не упомянул. Во-первых, она могла попросту засунуть его голову в свой фургон и отвезти ее в Горькухи. Да, но там придется иметь дело с союзниками Дреша, или кто

там его еще ждет. Во-вторых, она могла сама разыскать Заклинательниц, изъяснить им нижайшую покорность и по доброй воле вручить им эту треклятую башку, если... Слишком много «если». Если они ей поверят. Если они вообще пожелают ее выслушать. Если она разыщет их прежде, чем они разыщут ее. И, самое главное, если БЫ она уже не дала своего слова. Не подписалась в том, что обязуется в целости и сохранности доставить этот, прах его подери, груз. Боги, ну и дела!.. Этот тип держал ее на тройном поводке: имя, рождение, вассальная верность. И врагов она по его милости себе нажила, каких врагу не пожелаешь: Заклинательниц Ветров!.. Ки чувствовала себя так, словно ввязалась в игру, где даже и начальные ставки были ей не по карману. Что остается делать? Разве только помереть...

Она коротко кивнула голове, которая, словно читая ее мысли, следила за нею с самодовольной усмешкой.

– Ну хорошо, – отпив из кружки, сказала Ки. – Если ты хочешь, чтобы я тебе помогала в этом сумасшествии, я должна по крайней мере знать, что происходит. Почему?..

– Что «почему»?

– Во-первых, почему ты расчленен? Каким образом – этого я вообще знать не хочу. Во-вторых, с какой стати тебя понесло в таком виде путешествовать? В-третьих, почему мне предложили бешеные деньги за перевозку земли и камней? В-четвертых, зачем ты затеял ту свалку в таверне? В-пятых, почему они, захватив остальные твои части, не добрались до головы? И в-шестых, на что ты им нужен-то?..

– А в головке этой возницы-ромни, оказывается, прячется недюжинный и любопытный умишко, – заметил Дреш. – Слушай, Ки, почему бы тебе просто не довериться мне и не делать то, что я скажу? Видишь ли, если я приоткрою тебе кое-какие истины, они могут смутить неподготовленный разум и вызвать страх, вовсе не соответствующий действительности. Ты же возница и сама знаешь, что упряжка в шорах иногда идет надежнее, чем...

– Я не лошадь, – мрачно заявила Ки.

– Конечно нет. Я вовсе не имел в виду ничего подобного. Просто, как говорится, меньше знаешь – лучше спишь. Если...

– Дреш, я не намерена пускаться темной ночью по незнакомой тропе, и...

– О, эти причудливые иносказания ромни! Этот язык, так похожий на некий диалект Общего... Ты упряма, и у меня нет времени на пустые споры с тобой. Знай же... и сожалей о том, что тебе довелось это узнать! Да, объяснить тебе – это, пожалуй, будет короче, чем отговаривать. Так вот, уже некоторое время Заклинательницы видят во мне определенную помеху. Ну хотя бы то, что я слишком много знаю о них. Знаю – и потому страшусь их совершенно иначе, чем какой-нибудь невежественный обыватель. Удовольствуйся этим, ибо дальнейшие подробности – сугубо личного свойства. Зачем я себя расчленил? Видишь ли, мне стало известно, что Заклинательницы решили-таки освободить мой дух от его земной оболочки и отправить скитаться в глубинах Вселенной. А это меня не слишком устраивает. Те же охранные заклятия, которыми я окружил себя в Дайяле, с течением времени начали утрачивать силу. Слишком часто приходилось мне их обновлять. Мне нужен новый дом, который я смог бы окружить новыми берегами. В Горькухах подвернулось нечто подходящее, но как туда добраться? Ехать в моем обычном телесном обличье – слишком опасно. Я бы сразу угодил к ним в лапы, едва шагнув за ворота. Сменить внешность? Это не провело бы их, разве что сделало бы игру немного занятнее. Дело в том, что я – маг. Это значит, что в тонких мирах я имею вполне определенный облик, свою собственную ауру. И этот облик они знают не хуже, чем ты – шрам на физиономии Вандиена...

Дреш помолчал, улыбаясь, давая Ки время почувствовать этот укол. Потом продолжал:

– Есть несколько – хотя и не особенно много – способов исказить свою ауру. Я мог бы, например, пригласить поприсутствовать вместе со мной в моем теле какой-нибудь менее значительный дух. Но я не хочу. Я мог бы также... Впрочем, не будем отвлекаться, перечисляя,

что я мог бы еще сделать, но не захотел. Я предпочел расчленить свое тело. Таким образом, мое отражение в тонких мирах будет также расчленено и изменится до неузнаваемости. И на некоторое время это в самом деле сбilo их с толку. На какое-то время... Увы, они раскусили мою хитрость раньше, чем я предполагал. – Голова со вздохом умолкла. Дреш облизнул губы и задумчиво уставился на огонь.

Ки вздохнула в ответ и, не дожидаясь просьбы, обошла костер, подлила в кружку горячего чая и поднесла к его губам. Он отпил немного и стал наблюдать за тем, как пьет она.

– Ящики, которые ты везла, должны были пустить их по ложному следу. Этой же цели служил и черный дом, в котором ты подписывала контракт. Они должны были счесть, что твой груз слишком велик, чтобы являть собой всего-навсего брeнное тело Дреша. Увы, и это отвлекло их ненадолго. А что касается того, почему они до меня не добрались... – Мелкие белые зубы раздумчиво прикусили полную нижнюю губу. – Вероятно, следует назвать это везением. Они не знали, на сколько частей я расчленен. Посланное ими существо стоит на низшей ступени разума – оно вдвое примитивней, чем даже возчица-ромни. Возможно, ему было ведено забрать и принести эмалевые коробки: эмаль, понимаешь ли, немаловажная часть магии, которую я применил. Так вот, коробка с моей головой, находившаяся внутри фургона, не привлекла его внимания. К счастью для нас обоих, они не сразу поймут, что произошло. В отличие от... некоторых дур, они относятся к моим ящикам с должным почтением и не станут ковырять их ножом. Они догадаются, что секрет замка – в камнях. Камней же на каждой коробке много, возможных сочетаний – не перечесать. Однако при достаточном терпении и упорстве их можно открыть, ну а упорства и решимости им не занимать. К тому же самого главного – времени – у них в избытке, и они это знают. Я не могу бесконечно долго существовать в своем нынешнем состоянии. Драгоценное время уходит, причем прямо сейчас, пока мы с тобой разговариваем. Я отсюда чувствую, как некто наделенный Силой трудится над коробкой, в которой лежат мои руки. Еще одна Сила, помельче первой, бдит над ящиком с моим телом. Мы должны отбить у них мои разрозненные части, и чем скорее, тем лучше. Если они сумеют открыть коробки, они опустошат меня, и я умру. Мы должны действовать быстро, но не безоглядно, чтобы не оказаться полностью в их власти. И потом, сообразить, у кого находится, моя брeнная плоть, это полдела. Надо еще угадать где...

На какое-то время голова замерла в неподвижности. Потом, странновато улыбнувшись, Дреш кивнул в сторону кружки с чаем. Ки наклонилась и поднесла кружку к его губам. Он отпил, а когда она отняла кружку, прошептал:

– Поцелуй меня, Ки.

И... Ки обнаружила, что послушно наклоняется к нему, а ее губы ищут его губы. Они показались ей совсем холодными. Поцелуй оказался долгим, но, наконец, Дреш отпустил ее. Ки отшатнулась, а потом взвилась на ноги, тыльной стороной ладони утирая рот и глядя на Дреша как на змею. Потом, медленно, она опустила руку и плюнула наземь. И спросила, вернее, почти прорычала:

– Как... как ты это сделал?

– Надеюсь, ты меня простишь, – отвечал он невозмутимо. – Как я уже говорил, я волшебник, а большая часть нашей силы сосредоточена в голове и руках. Я просто решил устроить маленькое испытание, дабы доподлинно выяснить, какую часть своего могущества я еще сохраняю. Сознаюсь, кстати, – подобный эксперимент занимал мои мысли с той самой минуты, когда я впервые увидел тебя в таверне. И осмелюсь предположить, все это показалось бы тебе куда менее отвратительным, если бы моя голова сидела, как ей положено, на шее и руки были бы при мне, а не неизвестно где. Я знаю, вы, ромни, страшаетесь колдовства и не доверяете ему. С другой стороны, голова, оставшаяся без тела, должна уж как-нибудь расстараться...

И Дреш весело рассмеялся. Ки не разделила его веселья.

– Это верно, у меня есть перед тобой некоторые обязательства, – негромко проговорила она. – Но если ты и впредь намерен поступать со мной как с игрушкой... смотри, не пришлось бы пожалеть. Не вздумала бы я купить расположение Заклинательниц, выдав им твою башку...

– Ты этого не сделаешь, – спокойно заявил Дреш. – Ты ко мне привязана, причем трижды.

– Может, и так. Но что помешает мне отвезти твою голову в Горькухи, разобраться с задатком и убраться на все четыре стороны?

– Помешает, дорогая моя, помешает. Во-первых, твоя гордость. А во-вторых, отсутствие денег. Спешу, однако, заверить тебя, что подобных шуток я с тобой шутить больше не собираюсь. Увы, поддался первому побуждению. Помимо прочего, теперь я знаю все, что мне хотелось, так что и времени на милые пустяки у нас больше нет. Оставим забавы до того времени, когда мое тело снова будет при мне. Уверен, что тогда ты согласишься на вещи несколько иначе, нежели теперь. Ты увидишь, что, составленный вместе, я отнюдь не дурен собой. У меня маленькие, но весьма ловкие руки, причем гораздо мягче твоих. Кроме того, у меня узкие бедра, а в плечах я пошире этого твоего бродяги Вандиена, так что...

– Что тебе известно о Вандиене? – перебила Ки.

– Все, что вообще можно о нем разузнать. Когда я нанимаю возчика для перевозки моих бранных членов, не следует покупать кота в мешке, а? Однако мы отвлеклись. Помимо прочего, у меня маленькие ноги и плоский живот. С левой стороны на груди есть небольшой шрам, но он меня отнюдь не портит, наоборот, многие женщины уверяли меня, что он лишь подчеркивает... Стой, Ки, ты куда?

– Спать, – отрезала она. – Может, мне и придется помочь тебе отвоевывать твои руки-ноги, но выслушивать их подробное описание я уж точно не занималась!

– Какое же ты примитивное маленькое создание, Ки. Когда у тебя нет четкого плана дальнейших действий, а живот полон, тебя тянет только ко сну. Надеюсь, однако, ты не собираешься спать внутри фургона?..

– А почему бы и нет?

– Там царит кошмарная вонь! – сказал Дреш. – Твое ароматическое масло сегодня едва не добило меня вернее всех, вместе взятых, ветровых заклинаний. Может, вынесешь свои одеяла наружу? Ты будешь спать, а я – караулить твой сон...

– Не сомневаюсь, – буркнула Ки и полезла в кабинку.

К ее молчаливому негодованию, выяснилось, что Дреш был совершенно прав. Запах душистого масла был до того густ, что вызывал тошноту. Ки сгребла одеяла и на всякий случай сунула под мышку вдетую в ножны рапиру. В кои веки раз ей потребовалось, чтобы за эту рукоять взялась умелая рука Вандиена, – и нате вам пожалуйста, этому типу потребовалось устроить себе отдых на морском берегу. Сама она тоже пыталась фехтовать, но получалось весьма неуклюже. Так или иначе, другого оружия в фургоне не было. Ки забралась на сиденье и задвинула за собой дверцу.

И впервые поразились странности представшего ей зрелища. Какое-то время она просто сидела на сиденье, соображая, действительно ли все это реально или просто приснилось. Перед ней догорал маленький костерок, казавшийся еще меньше под непомерно громадным куполом ночного черного неба. Немногочисленные звезды не давали почти никакого света, скорее, они казались бесстрастными глазами, наблюдавшими из немыслимой дали. Река за гранью светового круга казалась колышущимся омутом тьмы. А совсем рядом, черным силуэтом на фоне мечущегося пламени, виднелась воздвигнутая на походный сундук живая голова.

По спине у Ки пробежали мурашки, но холод был тут ни при чем. Как бы она хотела оказаться как можно дальше отсюда... от всех этих дел. Насколько ей было известно, магия никого еще до добра не доводила. Что же касалось магии Заклинательниц... Более грозной мощи невозможно было себе вообразить, и против этой-то мощи она, слабосильная, собиралась ополчиться. Причем не по своей воле. Заклинательницы славились потрясающим бессер-

дечием и какой-то небрежной жестокостью по отношению к смертным, в частности к людям. И это при том, что довольно большая часть Заклинательниц воспитывалась из обычных человеческих девочек. То, что впоследствии они поступали таким образом со своей собственной плотью и кровью, лишь увеличивало отвращение и страх, терзавшие Ки.

Она бросила свои одеяла наземь, поближе к огню. И, против обыкновения, улеглась полностью одетой, даже не стряхнув с ног сапоги. Что-то подсказывало ей, что, возможно, придется двигаться и действовать быстро. Дреш молчал, вперив гипнотический взгляд в пляшущие языки огня. Ки проследила за ним и сонно подивилась вздымавшимся башням, сотканным из пламени, и углям, рушившимся, как разгромленные города. Когда она сомкнула веки и погрузилась в сон, огненные видения еще некоторое время плыли у нее перед глазами...

– Ки!.. Просыпайся скорее, нужны твои руки!..

Выдернутая из весьма странного сна, Ки пробудилась к еще более странной действительности. Голос Дреша звучал требовательно и напряженно, темные брови сдвинулись к переносице.

– Что случилось?.. – Ки выпуталась из одеял и встревоженно вскочила на ноги, подхватывая ножны с рапирой. Огонь почти совсем погас, и Ки тщетно вглядывалась во тьму. Ничего не было видно; тяжеловозы мирно пощипывали траву. – Что такое?.. Где?..

– Да уж не на телесном плане, дуреха!.. Заклинательницы вызвали обладающую Силой... колоссальной Силой! Я слышал их зов. Перед ней все мои коробки – что паутина, она видит их насквозь. Но, воззвав к ней, они тем самым выдали ее местонахождение. Я должен действовать немедленно – либо распроститься с надеждой. Для этого мне нужны руки, а рук у меня нет. Я воспользуюсь твоими, ведь, как-никак, это ты виновата в том, что мои не при мне. Сейчас ты будешь делать то, что я прикажу. Положи левую руку мне на голову. Правую вытяни прямо вверх...

Ки не двинулась с места, только нахмурилась.

– Поторопись, женщина!..

– Сперва объясни мне, что ты собираешься сделать, и я решу, стоит мне в это впутываться или нет.

– Мы вызовем существо, которое поможет нам перенестись. Я засек место, где они держат мое тело, и мы полетим его отбивать. Живо клади левую руку на...

– Нет, а с какой стати я с тобой полечу? Брошу коней и фургон на милость любого мимохожего вора?..

– Я уже окружил их, по мере моих нынешних сил, защитным кругом. Заклинательницу он, конечно, не удержит, но для какого-нибудь воришки его более чем достаточно. Я ведь, в отличие от тебя, не спал. Давай клади левую руку...

– Что за существо ты собираешься вызвать?

– Одно из тех, что странствуют между планами бытия, соединяя миры. Ну что, так и будем терять время? Может, ты еще потребуешь, чтобы я слепому от рождения объяснил, что такое цвета? Объяснять тебе, скудоумной, что это за существо, – примерно то же самое. Ну, положи левую руку мне на голову! Пожалуйста!..

– Пожалуйста, – прошептала Ки с ядовитым удовлетворением и медленно выполнила то, о чем он просил.

– Подними правую руку вверх, перпендикулярно земле. Растопырь пальцы так широко, как только можешь. Очисти свое сознание от посторонних мыслей... насколько ты вообще на это способна. Еще не хватало, чтобы твои мыслишки помешали воззванию... Ну же!

Опустив левую руку на темные кудрявые волосы колдуна, Ки испытала странное ощущение. Тугие, теплые, шелковистые завитки. Неведомо почему, Ки вдруг захотелось погладить их, как гладят по головке случайно встреченного ребенка. Конечно, она этого не сделала, но, глядя сверху вниз в серые глаза Дреша, поняла, что он, вполне возможно, перехватил ее мимом-

летный порыв. Ки попыталась очистить сознание, но волосы Дреша под ее ладонью по-прежнему не давали ей покоя.

– Сперва изводишь вопросами, потом принимаешься льстить! – немедленно отреагировал он. – Воистину, с чем только не приходится сталкиваться... Но все, хватит! Воздень правую руку прямо над головой и коснись средним пальцем ладони, не складывая всех остальных...

Ки попробовала, но удержать подобное положение пальцев оказалось очень непросто. Она попыталась выпрямить другие пальцы, и кисть сразу свело судорогой.

– Выпрямляй! – рывкнул Дреш. – Живо!..

А в следующий миг Ки показалось, будто ее руку, державшую его мягкие волосы, приморозило к ним насмерть. Холод истекал из черепа Дреша и поднимался по внутренней стороне ее руки. Кости Ки превратились в трубки, по которым медленно полз вверх ледяной студень. Пальцы онемели и отнялись, а за ними и вся рука. Локоть, потом плечо, потом... Незримые щупальца холода оплели ее плечи и двинулись дальше по вздетой правой руке. Все существо Ки колотилось от ужаса, решаясь вырваться и бежать прочь от этого отвратительного внутреннего прикосновения. Тело, однако, двигаться не желало. Ки оставалось лишь бессильно наблюдать за собственным ужасом. Ее тело стало послушным орудием Дреша; ее воля была здесь больше не властна. Холодные, противные слизи вползли в кости ее правой руки, наполнили пальцы, и пальцы выпрямились сами собой, заняв требуемое положение. Ки успела подумать, что, верно, перенапряженные сухожилия сейчас начнут отрываться от костей, – но нет, они как будто даже расслабились, словно вспомнив некие давние навыки, которыми, как казалось Ки, ее тело никогда не обладало.

Знак был составлен.

И тут же из черепа Дреша ринулась вверх раскаленная струя жгучей кислоты. Ки испытала миг запредельной муки, которую не смог бы выразить никакой вопль, никакой крик. Кипящая кислота пронеслась из левой руки в правую, выжигая в костях мозг. Ки задохнулась, рот сам собой раскрылся, но не вырвалось ни звука. Боль вырвалась из четырех вздетых вверх пальцев и четырьмя вспышками унеслась в небо. Вспышки были невидимы и беззвучны, но Ки поняла, что это и был зов. А значит, где-то в далеких мирах было создание, готовое на него ответить. Ки с неожиданной яркостью представила себе стервятника, который кружится над облюбованной добычей... садится...

– Теперь отдохни. – Ки узнала голос Дреша, но не взялась бы утверждать, как именно он к ней обратился – просто вслух или как-то еще. От перенесенной боли и душевного смущения в голове у нее помутилось. Она еще почувствовала, как ее тело наполнила сила, ей не принадлежавшая. Эта сила помогла ей совершить три коротких шажка, а потом оставила ее, и Ки рухнула на свои одеяла, как кукла-марионетка с обрезанными нитками. Некая весьма отдаленная часть ее сознания люто ненавидела Дреша и была полна решимости задушить его, как только... как только она чуть-чуть оправится. Все правильно, но у Ки уже не было сил прислушиваться. Она закрыла глаза и погрузилась в забытие более глубокое, чем сон.

5

Гриелия заглянула вовнутрь и помедлила на пороге, впиваясь черными глазами в ту, что сидела в пустой комнате. Всем своим существом она чувствовала напряжение женственного тела, укрытого изящными складками одеяний. Гриелия знала, что напряжение плоти объяснялось напряжением духа. Душу Рибекке, сидевшей в комнате, отягощали прегрешения и тайны. Более слабое существо неминуемо сломалось бы под их тяжестью, как тонкое деревце под снеговой шапкой. Но только не Рибекке, нет. Удел слабых созданий – не для нее. Гриелия бесшумно отступила назад, опустила очи долу и негромко, почтительно зашипела. Рибекке медленно подняла глаза, оторвав взгляд от бледно-голубой пирамидки, которую держала на коленях. Потом со вздохом отложила пирамидку на подушечку, лежавшую подле нее на полу.

– Что тебе, ученица? – спросила она.

Голос ее прозвучал вполне бодро, но Гриелия расслышала в нем и усталость, и плохо скрытое беспокойство.

– Прибыла Меди, Мастерница Ветров, и просит у тебя разрешения войти.

– Веди ее сюда немедленно, дитя, – сказала Рибекке. – Ее никогда не следует заставлять ждать.

Гриелия кивнула, поклонилась и исчезла из комнаты. Рибекке поднялась на ноги, нервно расправляя длинное одеяние. По замыслу, складки мягкой небесно-синей ткани должны были излучать ледяное достоинство. Одежду венчал высокий капюшон с прорезью для лица. Лицо Рибекке – лицо человеческой женщины – казалось непропорционально маленьким из-за того, что под капюшоном прятался лоб высотой в две ладони. Однако, если не считать изменившегося черепа, ее тело все еще сильно напоминало человеческое. Вернее, оно еще не до конца позабыло, каким родилось на свет.

– Входи, сделай милость. Мастерница Ветров... – Голос Гриелии звучал подчеркнуто безлично, она не поднимала глаз, словно бы робея перед столь значительным существом.

Меди вошла и с удивлением обежала глазами пустую, голую комнату. Ее кобальтово-синие одеяния мели ничем не прикрытый каменный пол. Гриелия, раболепно согнувшись, осталась стоять у дверей, но черные глаза, зорко устремленные в спину рослой Мастернице, подметили некоторую неуверенность ее походки.

– Добро пожаловать. Мастерница Меди. – Рибекке предпочла встретить ее официальным приветствием. – Благословен будь ветер, принесший тебя к нам...

– От века благословен ветер, несущий меня на встречу с тобой, – также ритуальной фразой ответила Меди.

Рибекке покосилась на ученицу:

– Ступай, Гриелия. Я хотела бы, чтобы вы с Лизет заменили наблюдательниц, стоящих на страже. Отправьте тех, что бдят там сейчас, отдыхать, а по дороге велите ждущим у прудов созерцания удвоить внимание, ибо существо, которого они ждут, весьма необычно.

– Слушаюсь, Мастерница Ветров, – отозвалась Гриелия. – Я все сделаю, как ты велишь.

Она скользнула прочь, и Рибекке не осталось ничего, как только обратить взгляд на свою посетительницу. Меди казалась высокой, не в последнюю очередь из-за стоячего капюшона. У нее было смуглое, с тонкими чертами лицо; кожу покрывали чешуйки с темными ободками по краю, отчего лицо выглядело рябым. Синий цвет ее одеяний был глубже, что говорило о более высоком ранге.

Руки Рибекке нервно затрепетали. Она поспешно воспользовалась тем, что церемониал встречи еще не был окончен, и двинулась навстречу Меди, чтобы приветствовать ее поцелуем и подобающими словами:

– Да слетаются на твой зов послушные ветры, да целуют тебя небеса с той же любовью, что и я сейчас.

Меди с протокольной вежливостью ответила на поцелуй. Рибеке отступила на шаг, решая, как быть дальше. Меди, казалось, не обращала на нее внимания, медленно поворачиваясь кругом и озирая аскетически обставленную комнату. Ее глаза обшарили голые черные стены, холодный каменный пол, потом снова вернулись к Рибеке и перехватили ее взгляд. Чешуйчатые губы сошлись в одну прямую линию.

– Ты выяснила, что Дреш отбыл из своей резиденции в Дайяле самое меньшее три дня назад, – безо всяких предисловий начала Меди. Она больше не изъяснялась обиняками и не играла в вежливость. – И, зная это, ты почему-то до последнего момента воздерживалась от каких-либо действий. Да и меня вызвала чуть ли не задним числом. Если бы тебе удалось собрать все части, на которые расчленил себя чародей, я сомневаюсь, что ты вообще ко мне обратилась бы. Ты превысила, и намного, ту меру ответственности, которую на тебя возложили, приставив за ним наблюдать. И притом действовала весьма неуклюже. Я думаю, ты заранее знаешь, что скажет Высший Совет. Они заявят, что давно уже ожидали от тебя чего-то подобного; что знали – ты никогда не принадлежала нам безраздельно, тебя все еще колеблют неподобающие чувства и страсти – наследие беспризорного детства. Да, не зря Заклинательницы Ветров столь редко принимают к себе девочек старше пятнадцати лет!.. Тебя мы все-таки взяли, но ты, похоже, не оправдала надежд, которые на тебя возлагали, и доверия, которое тебе оказывали. Вот, значит, какова твоя благодарность?.. Зачем, почему ты сделала это? Хочешь таким образом привлечь к себе внимание Высшего Совета?..

Лицо Рибеке тоже было покрыто чешуйками, но все-таки было видно, как она побледнела. Взгляд ее синих с белизной глаз заметался по комнате, но так и не нашел, на чем бы остановиться. Она сделала было шаг к Меди, но передумала и откачнулась назад.

– Нет, Меди, я не ищу внимания Высшего Совета, – сказала она. – Слишком долго они не принимали во внимание сделанное мною и рассуждали лишь о том, что еще я должна совершить... – По мере того как Рибеке говорила, ее голос крепнул и делался громче. – Я знаю, что они обо мне говорят. Я знаю, что они предпочитают мне своих, воспитанных в храмах. Я знаю, они думают: я слаба и страдаю от неуверенности, мне нельзя доверять. Иначе почему среди всех Заклинательниц присматривать за Дрешем назначили именно меня? Они только и ждут, чтобы я оплошала, и собираются с мудрым видом кивнуть и сказать: «Ну вот, мы же говорили». Да, я не торопилась действовать, и со стороны это вправду может быть истолковано как неуклюжесть. На самом же деле это всего лишь уважение к той Силе, которая есть Дреш. Добавим к этому, что я хорошо знаю образ его мыслей... Согласна, я не во всем преуспела. Но даже если бы мне удалось одним махом захватить все его части, я и тогда пригласила бы тебя, Меди, дабы разделить с тобой свой успех. Ибо не раз видела я, как слава и заслуженные почести обходили тебя стороной, доставаясь более молодым и стоворчивым Заклинательницам. А теперь я спрошу: почему они так поступают с тобой. Меди? Может быть, они нас с тобой боятся? Может быть. Высший Совет не желает вручать нам слишком большую власть, опасаясь, что мы слишком умело ею воспользуемся?

Рибеке умолкла, облизывая пересохшие губы. Собственно, ее чешуйчатые губы пересохнуть попросту не могли и в смачивании не нуждались, – сработало человеческое, не до конца еще вытравленное в Заклинательнице.

Меди молчала, не торопясь соглашаться; однако не выказала она и потрясения, хотя услышанное ею было прямым подстрекательством. Что было в ее молчании? Тайное сочувствие? Или она ожидала, чтобы Рибеке уже вовсе выдала себя с головой?.. Да какая разница. Время опасений и подозрений прошло. Если Меди не пойдет вместе с ней, Рибеке пойдет дальше одна. Власть была рядом, только протяни руку. У нее были тело и руки колдуна, – немало, даже и в отсутствие головы. Если бы она послала за ними более осмысленное существо... С другой

стороны, кому из разумных она могла доверять? Трезво рассудив, она послала за ящиками безмозглого крылатого зверя, благо он забудет о поручении сразу, как только оно будет исполнено. Вот и не досталась ей голова. Зато у нее были тело и руки. Тот, кто знает, как подступиться, сумеет извлечь из них великую силу. И еще большую – если удастся завладеть головой. Вот в этом-то ей и могла помочь Меди. Но если она откажется...

Рибеке вновь облизнула губы. Меди молчала по-прежнему, разглядывая пирамидку ослабления, лежавшую на подушке. Рибеке заговорила вновь – на сей раз тише и почти умоляюще:

– Будь же свидетельницей тому, что я сделала. Меди. Я совершила то, от чего отступился весь Высший Совет, – отступился и поручил мне, чтобы полюбоваться, как я осрамлюсь. Верно, я допустила недосмотр и, захватив тело, опустила голову. Но и то, чего я достигла, – подвиг немалый, не каждой из нас по плечу. Обе мы с тобой хорошо знаем Дреша... Он не станет бездеятельно дожидаться, чтобы мы явились и забрали остальное. И уж ни в коем случае не примирится с тем, что некоторые части его тела оказались у нас. Нет, он попытается найти какую-нибудь лазейку, предпримет решительные действия и тем себя обнаружит. Не забудем: в его распоряжении лишь голова. Он упадет нам в руки, как спелый плод с дерева, колеблемого ветром! Мы захватим его всего, полностью, и заберем его Силу. И тогда... Станем ли мы собирать Высший Совет? Который немедленно заберет у нас по праву принадлежащее нам, да еще станет брюзжать, почему мы не выдали его раньше?... А, Меди?

Меди не улыбнулась. Лишь чопорность ушла из ее осанки, отчего Заклинательница стала как будто еще выше, еще грациозней; ее глаза смотрели куда-то вдаль и, казалось, были полны летящего ветра. Она заговорила не сразу, и, пока она молчала, неведомо откуда возник легонький ветерок, любовно тронувший складки ее одеяния.

– Жила-была когда-то юная ученица, – тихо и задумчиво проговорила она.

– Мы подвергли ее испытанию. Ее оставили одну на вершине обледенелой горы, и она стала петь. Сперва она убаюкала обитавший там ледяной вихрь, вихрь с тысячей отточенных жал. Никому не удавалось его успокоить и усыпить, но ей удалось. Не удовольствовавшись этим, ученица запела вновь, на сей раз – вызывая с далекого юга ласковый ветер. Долго она пела, – мало у кого хватило бы терпения, да и сил. Но, наконец, ветер пришел, теплый, еще хранящий ароматы южных цветов. Он растопил снега на вершине горы и понес воды вниз, туда, где отчаявшиеся земледельцы оплакивали свои поля, иссушенные, не способные родить. И тогда я подумала: вот та, которую никогда не подчинит себе Высший Совет, вот та, чьей силой он никогда не будет распоряжаться...

Глаза Рибеке засияли и даже чуть увлажнились.

– Долго я наблюдала за тобой. Меди, – дрогнувшим голосом выговорила она. – Все пыталась понять, станешь ли ты моей союзницей, согласишься ли разделить мой нынешний замысел? Скажи, не было ли и с твоей стороны чего-то подобного?

Меди, наконец, улыбнулась:

– Я ощущала твое внимание, Рибеке. К тому же я не слепа и видела, как с тобой обращались. Я видела, как ты трудилась, когда тебя послали в Даульскую долину. Ты не давала себе поблажки и возвышала свой голос в песнях и заклинаниях, совершая дела, которые, по мнению остальных, требовали слишком много усилий, а видимого результата не приносили. Ты облагодетельствовала тамошних пахарей великолепнейшей погодой: когда их земли жаждали напитаться, шел дождь, нежное дыхание лета разносило пыльцу во время цветения полей. Бури, способные смять вызревающий урожай, не смели даже приблизиться, а тучи, полные града, стремглав уносились прочь. Как процвела и возрадовалась вверенная твоим заботам долина!... Но вспомним, какой награды ты удостоилась за подобное чудо? Дань, которую выплатили тебе пахари, втрое превосходила ту, что угрозами и гибельными смерчами выбила из них твоя предшественница. И что же? Лично тебе досталось меньше, чем ей. Когда же ты стала

ратовать эта то, чтобы в награду за прилежный труд оставить излишки крестьянам, дабы дети их не чахли в колыбелях от голода, а вырастали в крепких пахарей, хозяев земли, – над тобой попросту посмеялись! Совет не оценил твоей прозорливости. Нежное Сердце, Крестьянская Печальница, – как только тебя ни называли! И у тебя отобрали Даульскую долину и передали ее другой...

В глазах Рибеке пробудились искры давнего гнева, потом ее плечи снова обмякли. У нее дрожали руки, и она сплела пальцы, чтобы скрыть дрожь.

– Не знаю даже, как и ответить тебе. Меди. Я-то думала, мои труды, равно как и мои доводы, пропали втуне, – никем не понятые, а большинством и вовсе не замеченные. Но вот пришла ты, и мне кажется, будто внезапно распахнулась дверь, в которую я так долго ломилась...

Меди пересекла комнату, подошла к Рибеке и взяла ее руки в свои – прохладные, длиннопалые.

– Итак, – сказала она, – отныне мы с тобой заодно. Мы возьмем себе то, что и так наше по праву замысла и труда. Мы сами будем принимать решения, которые, будучи приняты другими, столь долго нас утесняли. Сила Дреша должна перейти в нас! И только тогда мы дадим знать Высшему Совету о нашем успехе!

При этих словах по лицу Рибеке пробежала легкая тень. Она чуть не отвела глаза, избегая пронизывающего взгляда Меди. Потом словно бы вновь обретенная решимость выпрямила ее спину. Она вскинула подбородок и согласно кивнула, и скрытое волнение затлело в глубине ее глаз.

6

Как появился эфирный зверь, Ки не видела. Однако присутствие его ощутила даже сквозь дрему: ей показалось, что по поверхности привычного ей мира побежали словно бы какие-то волны. То есть на телесном плане не было ни звука, ни запаха, ни дуновения ветерка. Просто на какой-то миг неуловимо изменилось ощущение от прикосновения воздуха и земли к ее плоти. Забеспокоились и тяжеловозы. Сигурд принялся рыть землю копытом, причем с каким-то упрямым остервенением. Сигмунд высоко поднял тяжелую голову, топорща уши и раздувая чуткие ноздри...

– Давай, Ки. Вставай. Задержимся – сами себе жизнь усложним. Ну же, Ки! Тихий голос колдуна звучал ободряюще. В его тоне ей послышалось нечто знакомое, она призадумалась, потом поняла. Должно быть, примерно так она увещевала свою упряжку перед тем, как пустить коней через какой-нибудь особенно опасный и трудный брод на реке. М-да. Тем не менее, Ки поднялась, подхватила голову чародея вместе с ее подставкой из черного камня и прижала к своей груди, словно талисман, защищающий от неведомого...

– Ки! – поторопил ее Дреш. – Зверь ждет, но терпение его иссякает. Мы должны войти в него...

– Да где он хоть?.. – ничего не понимая, отозвалась она. В голове у нее плавал туман, так и не рассеявшийся с того самого времени, когда Дреш использовал ее в качестве маяка. Дреш хмыкнул, и этот смешок словно окатил Ки холодной водой, заставляя окончательно пробудиться и вступить в мир, внезапно наполнившийся чудесами. Она сама почувствовала, как прояснился ее разум, как воспрянул непокорный боевой дух.

– «Ласточка, королева небес, попав в воду, превращается всего лишь в клубочек тонущих перьев», – насмешливо процитировал Дреш. – На какую глупость я, оказывается, способен. Ну конечно же, ты его видеть не можешь. И у меня, увы, нет времени настроить твой разум на понимание всего того, что, не сознавая, доносят ему глаза. Что ж, я буду смотреть вместо тебя. Держи-ка меня крепче...

Ки послушалась и почувствовала, как меркнет боковое зрение. Серая мгла быстро смыкалась перед глазами, и, наконец, Ки словно бы вглядывалась в нескончаемую трубу, на другом конце которой горела светлая точка. Потом пропала и она. Остался сплошной серый туман. Он начал расходиться, и окружающий мир появился снова, правда, в несколько измененном виде. Деревья и трава сделались выше, а кони – еще крупнее и массивней обычного... Внезапное понимание ошарашило Ки: она видела все окружающее глазами Дреша, чью голову по-прежнему прижимала к груди. Дреш почувствовал, что до нее дошло, и вновь захихикал.

– Итак, – сказал он, – ты видишь свой мир моими глазами. А теперь позволь пригласить тебя в один из МОИХ миров. Смотри же!

Дреш моргнул – за себя и за нее, и глаза, ставшие общими, раскрылись в мир, в котором не было ночи. Царивший здесь свет, однако, ничего не освещал, ибо исходил не от солнца или луны, а от существ, его населявших. Там, где стояли привязанными Сигурд и Сигмунд, лучились буровато-зеленым сиянием две живые громады. Ее собственное тело, увиденное глазами Дреша, мерцало желтым.

– Если бы ты только видела, каким опаловым сиянием кажусь я! – без ложной скромности похвастался Дреш. – А вот и наш зверь. Видишь его?

Общим глазам предстало нечто, устроившееся среди буроватого тумана, которым стал лес. Ки пошла к нему сквозь смутное коричневое мерцание травы.

Существо было не то чтобы белым, – свет, исходивший от него, можно было назвать скорее прозрачным. Ки чувствовала в нем жизнь, но ничего похожего на тело признать не могла. Не то пустотелая башня, не то вертикальный тоннель, уводивший с надежной земли куда-то

во тьму. Добравшись, наконец, к подножию существа, Ки сумела заглянуть вовнутрь и вверх. Там, как и снаружи, лился все тот же прозрачный свет. Здравый смысл Ки был положительно поколеблен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.